

На окраине Вселенной

Направленность: Джен

Автор: Sariella (<https://ficbook.net/authors/372163>)

Фэндом: Булычёв Кир «Приключения Алисы»

Рейтинг: PG-13

Жанры: Ангст, Фантастика, Психология, Hurt/comfort, AU

Размер: Миди, 58 страниц

Кол-во частей: 9

Статус: закончен

Описание:

Попытка разрешить ситуацию, которую описала в своем фанфике "Тайна Третьего капитана" <http://ficbook.net/readfic/2490104> уважаемая Птаха. Я просто не могла оставить героев в их почти безнадежном положении)

С любезного разрешения автора.

Посвящение:

Птахе, конечно) За ту тонну вдохновения, которую мне принес ее фик.

И The_Natik за то, что именно ее смелость подтолкнула меня попробовать написать продолжение. А то бы в жизни не решилась)

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Огромное спасибо всем, кто помогал находить ошибки и стилистические ляпы, делился идеями и просто следил за процессом написания ^_^ Без вас этот текст не родился бы.

Названия "Искандар", "Балан" и "Болерас" взяты из аниме "Космический крейсер Ямато 2199" Уж простите, но у автора очень туго с выдумыванием имен. Поэтому я заранее извиняюсь перед поклонниками этого аниме, если вдруг они сюда забредут)

То, что изначально задумывалось как небольшое продолжение, неумолимо расширяется в отдельную Вселенную, и уже начинает диктовать собственные законы, довольно далекие от канона. Поэтому правильнее будет воспринимать этот цикл как AU и не удивляться несовпадениям характеров.

Дополнения к основной истории:

"Научиться дышать заново" <http://ficbook.net/readfic/3023879> - Воспоминания Третьего капитана о годах, проведенных в плену, его мысли и размышления.

Сборник всего, что написалось и продолжает твориться по этой ветке:

<https://ficbook.net/collections/6492372>

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Часть 2	9
Часть 3	14
Примечание к части	19
Часть 4	20
Часть 5	27
Часть 6	37
Часть 7	47
Часть 8	54
Эпилог	65

Часть 1

На капитанском мостике было тихо. Тишину нарушало лишь мерное гудение двигателей "Синей чайки" и еле слышные шорохи и щелчки систем жизнеобеспечения. Изредка вклинивалось шуршание страниц бортового журнала, в котором Первый, с присущей ему педантичностью, делал записи о прошедшем дне. Второй сидел рядом, в кресле старшего помощника, опираясь на панель управления локтями и положив подбородок на переплетенные пальцы. Взгляд мужчины был расфокусирован и устремлен в никуда, между бровями залегла глубокая морщина. Перед ним стояла чашка с дымящимся чаем, на который он даже не смотрел. По всему было видно, что его мучают какие-то тяжелые мысли, из лабиринтов которых ему очень трудно выбраться.

Первый закончил, наконец, делать записи и с удовольствием потянулся, разминая затекшую спину. Затем внимательно посмотрел на друга, оценил его состояние и молча утянул у него из-под носа чашку. Все равно только зря остывает.

— Он для тебя слишком крепкий, — отстраненно заметил Второй, все так же глядя перед собой.

— Сойдет, — Первый хоть и поморщился, попробовав чай, но чашку не оставил. — Извини, но вид у тебя кошмарный. Может, пойдешь отдохнешь? А я к Третьему схожу. Все равно сейчас моя смена.

— Нет, — встрепенувшись, Второй вынырнул из своих мыслей. — Медицинская помощь — это моя обязанность.

— Угу. А еще у тебя такой вид, словно тебя сейчас на гильотину отправляют, а не за больным другом ухаживать. Ким, давай начистоту. Если тебя это напрягает, то мы вполне можем поменяться местами.

— Не говори глупостей! — Второй сердито взглянул на друга. — Ничего не напрягает. Просто...

— Просто? — подбодрил его Первый, осторожно цедя термоядерный чай.

— Не важно, — покачал головой Второй, вновь утыкаясь взглядом в пространство.

— Просто стыдно, да? — Первый шумно вздохнул и оставил чашку, и, поймав удивленный взгляд друга, грустно улыбнулся. — Не тебе одному, поверь. Думаешь, мне легко осознавать, что именно я стал началом всей этой цепочки событий? Не останься я тогда на Земле, наивно полагая, что семейная жизнь будет требовать моего постоянного присутствия, и Третий не рванул бы в другую Галактику. По крайней мере, один. Ты вспомни, у меня ведь была семья, у тебя — твоя личная лаборатория, которую ты любил как собственного ребенка. И родственники на Марсе. А у него никого. Только звезды и космос. И мы были ему как семья. Честно говоря...

— Думаешь, он сделал это от обиды? — усмехнувшись, закончил его мысль Ким.

— Вроде того, — кивнул Всеволод. — Или, учитывая его характер, скорее от безысходности. Просто, чтоб не оказаться на обочине жизни. И теперь мне хочется локти кусать от того, что все так вышло. Ну зачем, зачем я тогда решил оставить космос?! Это было самое идиотское решение в моей жизни.

— Но у тебя ведь и вправду семья, — попытался успокоить друга Ким. — Как бы ты их бросил?

— Семья, — горько усмехнулся Всеволод. — Я тебя умоляю. У меня были слишком старомодные взгляды на то, какой должна быть семейная жизнь. Я думал, что буду нужен им постоянно, а в итоге оказалось, что дети гораздо больше времени проводят в детском саду, им там интереснее. Да, они гордятся тем, что их папа — знаменитый космический капитан, но им больше по душе игры с другими детьми или поездки к

бабушке. Элла так вообще не покидает мостик своего корабля. И при этом они всем довольны. Им не нужны семейные ужины, выходные, проведенные вместе, выезды куда-нибудь на пикники или походы в театр. Достаточно знать, что мы есть друг у друга, и все. И знаешь, что самое обидное?

Второй молча вопросительно взглянул на друга.

— Самое обидное, что и мне этого достаточно. Ты не представляешь, как меня тяготила жизнь на планете. За "Венеру" я ухватился как за спасательный круг. А потом там было столько дел, что времени не осталось ни на какие сожаления. Только работа, работа, работа. Я только когда вам на помощь вылетел, почувствовал, что вновь оживаю. А до того жил на каком-то автопилоте. А когда в подземелье услышал от Весельчака, что Третий умер, меня самого чуть удар не хватил. Все время в висках стучало "это я виноват, это я виноват". Потом нашли, спасли — гора с плеч. И тут вдруг такой "сюрприз". Я тебе клянусь, если бы не эта их связь, которая сделает плохо и Третьему, Крыс бы у меня на дыбе корчился в их же подземелье. Я б эту сволочь на куски резал еще четыре года, чтоб отомстить за каждый день, который Третьему пришлось там провести. И Весельчака бы туда же отправил. Четыре года, Ким! Четыре! И ладно, ты в это время сам в плену был. Но я-то мог помочь. Почему я не почувствовал, что мои друзья в беде, почему не помог? Что я после этого за друг?!

Первый в бессилии ударил кулаком по свободному пространству на панели. Обычно веселое и в чем-то мальчишеское лицо сейчас было перекошено злостью. Второй несколько секунд удивленно смотрел на эту гримасу, а потом покачал головой и заговорил, тщательно подбирая слова.

— Ты забываешь, что у нас был уговор про срок в четыре года. Да, не буду скрывать, втайне я надеялся, что ты найдешь меня раньше, но в то же время был готов и к тому, что придется ждать эти несколько лет. Ты все сделал как надо, Сева, и тебе не нужно себя изводить. А вот мне себя — нужно. Как я мог оставить Третьего без помощи? Поставил какую-то формулу выше здоровья и жизни друга. Почему даже не предположил, что его могут кинуть в какой-нибудь застенок? Хотя, если бы ты видел его в том состоянии, в каком я его нашел... Оно не слишком отличалось от того, каким он был после плена. Разве что следов пыток не было. Я почти не сомневался, что долго он не протянет, и когда услышал, что его корабль распилили, понял, что Третий — не жилец. Оплакал, конечно, но... Сомнений почти не было.

Второй невидящим взглядом уставился в пространство, кусая тонкие губы. Потом перевел взгляд на Первого.

— Вот кем меня можно назвать после этого? Почему я позволил себе забыть про живучесть фиксианцев? Почему, в конце концов, я не узнал про эту их принудительную моногамию? Все как-то мимо ушей, вечно свои интересы на первом месте... И вот результат.

Он вновь кинул взгляд на панель управления и кивнул на мигающий индикатор связи.

— У нас вызов. Наверное, это Элла. Ответь.

Первый включил канал связи и на экране действительно возникло уставшее, но от того не менее красивое лицо его жены. Она приветливо кивнула Второму и перевела взгляд на мужа.

— Не буду вам мешать, — Ким поднялся с кресла и, прихватив аптечку, направился к двери.

Когда он скрылся из поля зрения, женщина тихо спросила:

— Зачем ему аптечка? С Третьим все плохо?

— Не плохо, но некоторые раны еще не затянулись, — вздохнул Всеволод, растирая

лицо ладонями. — И приходится каждый день обрабатывать их. Ты на меня не сердишься?

— За что? — искренне удивилась Элла.

— За то, что сорвался с места без предупреждения.

Женщина немного криво улыбнулась и пожала плечами.

— Скажем так, я немного разочарована, что мои планы не сбылись. Но я тебя понимаю. С Третьим там что-то случилось за эти четыре года, да? Что-то нехорошее.

Первый вскинулся и внимательно посмотрел в голубые глаза жены. Нет, она не знала. Но, видимо, женским чутьем почувствовала, что они не все ей рассказали.

— Я так и поняла, — кивнула Элла, увидев его смущение. — Мне даже представить трудно, что должен был пережить человек, просидевший в заточении четыре года и, честно говоря, я не хочу знать, что именно ты недоговорил. В одном я уверена точно — вы найдете решение. Вы же всегда справлялись.

И она ободряюще улыбнулась.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Первый. — Ты уже на Луне?

— Уже на Земле. На Луне не стала задерживаться. Распрощалась с нашими новыми друзьями и полетела домой.

— Как они? Они не обиделись на наш поспешный отлет?

— Ни капельки. Все поверили в то, что вы пустились в погоню за сбежавшим пиратом.

— А формула? Ты нашла мою записку?

— И нашла, и передала куда следует. Видели бы вы, какой фурор она произвела среди ученых. Думаю, по возвращению вас ожидает еще десяток наград. — Элла легко рассмеялась, и на душе у Первого стало чуть светлее.

— Ты уже видела детей? Как они?

— О! Сейчас я буду тебе пересказывать все в деталях, так что приготовься долго — долго меня слушать. Итак, сегодня мы...

Ким нерешительно остановился у каюты Третьего не зная, стучать или нет. А вдруг он спит? Будить друга не хотелось, но вспомнив, какими жуткими порезами было покрыто его тело, Второй отбросил сомнения. Раны нужно обрабатывать каждый день, иначе какой эффект от лечения может быть? Ким осторожно постучал, но ответа не последовало. Он постучал громче, но за дверью по-прежнему не было слышно ни звука. Начиная беспокоиться, капитан машинально отдал приказ об открытии двери. К его удивлению, она оказалась незапертой и плавно отъехала в сторону. Он решительно шагнул в полумрак каюты и остановился, позволяя глазам привыкнуть.

Из всех обжитых комнат на "Чайке" эта была с самой аскетичной обстановкой, еще со времен их совместных приключений. Здесь не было забавных безделушек, которые любил набирать на разных планетах Первый, или кучи научного оборудования, как в каюте у Второго. Только серые стены, встроенные в стену шкафы, койка и стол со стулом, на котором всегда громоздились книги и карты звездных маршрутов. Сейчас по потолку и стенам плясали блики, которые щедро рассыпала через иллюминатор звезда, мимо которой дрейфовала "Чайка". Ким осмотрелся. Третий лежал на койке, спиной к нему. Он подошел ближе.

— Эй, ты спишь?

Внятного ответа не последовало, только какой-то шепот. Второй прислушался. Фиксианец что-то повторял на своем родном языке, при этом было ясно, что он спит. Ким обошел койку так, чтобы видеть лицо друга и, присев перед ним на корточки, вслушался.

Слова были знакомые, но суть уловить не получалось. Третий как заведенный повторял какую-то комбинацию, которую Второй явно где-то уже слышал. Он попытался не сосредотачиваться и позволить памяти самой отыскать ответ. И он нашелся почти сразу. Фиксианец без устали шептал формулу галактия.

Ким заскрипел зубами от плохо сдерживаемой ярости. Ясно, что мозг, который четыре года был зажат в стальные тиски воли и не мог позволить себе даже лишней мысли, наконец получил свободу и теперь хоть во сне выплескивает то, что столько времени занимало все мысли. Ему пришлось приложить титанические усилия, чтобы не грохнуть кулаком по чему-нибудь, вымещая то бешенство, которое всякий раз накрывало его при мысли о перенесенных другом страданиях. С трудом совладав с собой, он осторожно потряс Третьего за плечо. Тот моментально открыл глаза, судорожно при этом дернувшись. Несколько секунд расфокусировано смотрел перед собой, пытаясь понять, где находится, а потом в больших глазах мелькнуло узнавание.

— Пора обрабатывать раны? — тон Третьего был ровный и спокойный, как обычно, как будто не он полминуты назад испуганно дергался от чужого прикосновения.

Второй молча кивнул. Сонно потирая глаза, фиксианец сел на постели и стянул футболку.

— Свет, — приказал Ким, и каюту залило мягким, приятным освещением.

Достав из аптечки необходимые растворы и мази, мужчина сел на постель позади фиксианца и осмотрел его спину. Основные повреждения были здесь, но благодаря постоянному уходу, почти все они затянулись. Неизменными оставались только две глубокие рваные раны, которые тянулись от шеи вниз, вдоль позвоночника. Сколько раз их не пытались зашить, швы каждый раз расползались, и раны вновь выглядели так же, как и до этого.

— Не пойму, что за мистика, — пробурчал Второй, осторожно смазывая рваные края заживляющим гелем. — Сколько не бьюсь над ними, все без толку.

Он немного колебался, прежде чем задать мучавший его вопрос. Не хотелось напоминать другу о том, что тот пережил, но по-другому справиться с этими ранами, видимо, не получится. Нужно хотя бы знать, что их нанесло, поэтому все же решился.

— От чего они, Третий? Может, от каких-то крючьев, и тебе занесли неизвестную заразу? Я должен знать, чтоб подобрать нужное лекарство.

— Не крючья, — Киму показалось, что фиксианец слегка дернулся. — Это... этот. Вцеплялся клешнями, когда... ну, ты понял... Может, действительно что-то занес. Второй замер. А затем раздался хруст, и на постель закапала кровь. Третий недоуменно обернулся и понял, что захрустел пластиковый флакон с лечебным гелем, от которого теперь остались лишь острые осколки. Часть из них беспощадно впилась Киму в ладонь.

— Прости, — виновато взглянул он на друга. — Ляпнул, не подумав, что тебе тяжело это слышать.

— Да что ты все извиняешься! — сорвался Второй, которого просто трясло от бешенства. — Вечно ты со своим благородством, оно-то тебя и довело! Это мы должны извиняться, что все так по-дурацки вышло. А ты даже не смей, понял?

На мгновение губы и глаза Третьего тронула тень прежней улыбки, с которой он когда-то уверенно встречал все трудности. Мелькнула, словно проблеск солнца осенью, и пропала.

— Вы спасли мне жизнь, и вы же должны извиняться? Извини, но чушь. А твою ладонь нужно перевязать.

С этими словами он развернулся лицом к Второму и, достав из аптечки все, что было нужно, принялся за дело. Наблюдая, как быстро Третий справляется с перевязкой, Ким

покачал головой и сказал первое, что пришло в голову. Лишь бы отвлечься от кровавой пелены, наползающей на глаза.

— Сколько смотрю, столько завидую. Почему у меня тоже не шесть рук? Столько бы всего можно было успевать за раз.

— Ага, — хмыкнул Третий. — Как будто у меня каждая пара рук автономна.

— А что, не так? — удивился Второй.

Третий откровенно расхохотался.

— Ким, ну ты же ученый! Нет, конечно. Так же как и у вас, разделяются на правые и левые. А не на верхние, средние и нижние. И делать всеми правыми руками, например, я могу только что-то одно. Ну, максимум, могу одной из пар что-то поддерживать. Вот как твою руку сейчас.

Второй опустил глаза на тонкие пальцы, удерживающие его раскрытую ладонь в нужном положении, и внезапно его обдало неприятным жаром — вспомнились собственные опрометчивые слова.

— Третий, — тихо позвал он, чувствуя, как внутри все сжалось. — Ты же не принял мои слова всерьез? Ну, там, у клетки. То, что я ляпнул про второй курс... извини. Оно само вырвалось, от безысходности.

Ответа не последовало. Ким преодолел собственную неловкость и поднял на друга взгляд. Тот в упор смотрел на него своими огромными глазами, абсолютно нечитаемым взглядом. А потом дернул плечом и принялся укладывать лекарства обратно в аптечку.

— Не пойми меня неправильно, но это был бы лучший вариант из всех возможных. Так что тебе не за что извиняться.

— Ч-чего? — только и сумел выдавить ошарашенный Второй.

Фиксианец, все так же не глядя на него, встал и принялся рыться в шкафу на предмет сменного комплекта белья — тот, что был, теперь пестрел пятнами крови и ядовито-синего геля.

— Зная про нашу особенность, и понимая, что судьба капитана — это постоянный риск, я не собирался обзаводиться парой. Никогда. Хотел прожить всю жизнь один, никого не подставляя под удар. Но совершенно не подумал, на какие ухищрения могут идти пираты для достижения своих целей. А следовало бы. И лучшим вариантом для меня действительно был бы кто-то, кто точно так же мотается по космосу и не желает себе спокойной жизни. Но... не подумал.

Согнав с постели Кима, Третий принялся перестилать ее.

— Мы слишком уверились в собственной неуязвимости за эти годы. И перестали трезво оценивать возможности противника. И вот результат. И если бы сейчас это еще имело смысл, я бы с радостью согласился на твое... хм... предложение. Но какая теперь разница? Так что не забивай себе голову. И нет, я ни капли не обижаюсь, не злюсь и прочее. А теперь извини, но я снова лягу спать, хорошо? Честно скажу — чувствую себя слабее ребенка.

— Конечно, — Второй отошел к двери и беспомощно наблюдал, как Третий подгребает под голову подушку и закукливается в одеяло.

Чем можно помочь после всего, что было? Они могут залечить раны, но кто залечит те, что остались в сознании? От бессилья хотелось просто выть.

— Спокойной ночи, — вымученно улыбнулся Ким, когда фиксианец, наконец, затих.

Тот молча улыбнулся в ответ. Большие фиалковые глаза уже явно слипались, и через полминуты Третий мирно сопел в подушку. Второй погасил свет и тихо вышел из каюты. Его не прекращало преследовать чувство затянувшегося кошмара. Словно он по-прежнему в том подземелье, выдерживает осаду пиратов, и все это ему просто снится. И

вряд ли он смог бы с уверенностью сказать, что хуже — быть уверенным, что твой друг мертв, или смотреть на оставшуюся от него истерзанную тень.

Что-то мелькнуло в иллюминаторе, и Ким обратил все свое внимание туда. Должно быть, это пронеслось одно из тех редких и загадочных существ, что были способны жить в открытом космосе. У космонавтов были свои причуды, и многие считали, что когда видишь кого-то из них, нужно загадывать желание. Второй всегда смеялся над этими суевериями, но сейчас ему хотелось верить хоть во что-нибудь. И желание его было вполне закономерным.

"Пусть найдется хоть что-нибудь, что сможет помочь Третьему. Пожалуйста"

Часть 2

— Ким, вставай! — встревоженное лицо Первого проступало из тумана, в котором последние несколько часов плавало сознание. — Да просыпайся ты! У нас проблемы.

— Проблемы? — Второй отчаянно моргал, пытаясь вынырнуть из полунаркотического сна, в который сам же себя и отправил накануне, наглотавшись снотворного.

Сознание немного прояснилось, и он буквально подпрыгнул от страшной догадки.

— Что-то с Третьим?! Ему стало хуже?!

— Нет, нет, — поспешил успокоить друга Всеволод. — С Третьим все в порядке, он спит. У нас другие проблемы. Одевайся, и через десять минут жду тебя на мостике. Сам все увидишь.

Первый ушел, а Ким еще с минуту пролежал, тупо глядя в потолок и пытаясь собрать в кучу разбегающиеся мысли. А затем встал и, стараясь не обращать внимания на головную боль, принялся собираться.

— Скажи, что у нас на борту есть кофе, — слабо попросил он через пять минут, перешагивая порог мостика.

— Стимуляторы в космосе нежелательны, — укоризненно взглянул на него Первый. — И снотворное, кстати, тоже.

— Да я уже и сам сто раз пожалел, — Ким рухнул в кресло старшего помощника и поморщился от очередного всплеска головной боли. — Но отделаться от мыслей никак не получалось, а спать хотелось жутко. О каких проблемах ты говорил?

— Включи каналы связи, — кивнул на приборы Всеволод, напряженно высматривая что-то на картах секторов галактики.

Второй недоуменно посмотрел на друга, но по очереди послушно открыл основные каналы, через которые можно было связаться с Землей, Фиксом, и другими наиболее известными планетами. Пространство мостика тут же наполнили легкое шипение и потрескивание, сигнализирующие о том, что в эфир они вышли. Вот только он хранил гробовое молчание. Автоматические маяки, которые должны были каждые несколько минут посылать сигналы о том, что все в порядке или наоборот — требуется помощь, безмолвствовали. Подождав для верности несколько минут, Ким нахмурился и открыл дополнительные каналы, которые были настроены на сигналы звездных баз и орбитальных станций. Здесь тоже царил тишина. Второй еще несколько секунд просидел, оцепенело глядя на исправно работающие приборы, передающие звуки внезапно впавшей в спячку галактики, а затем повернулся к другу и усиленно поморгал.

— Что? — заметил его странные действия Первый.

— Снотворное, что ты делаешь, прекрати, — пробормотал Ким, пытаясь понять, не продолжает ли он спать и видеть идиотский сон.

— Не смешно, — мрачно отрезал Всеволод.

— Абсолютно не смешно. И оттого еще более нелепо. Где мы сейчас находимся?

— А вот тут нас ждет еще один сюрприз, — Первый развернул к другу проектор, вертикально транслирующий трехмерное изображение различных участков галактики. — По всем признакам, мы должны сейчас быть где-то здесь.

Он указал на особо яркий участок карты.

— В скоплении молодых звезд. Во всяком случае, именно сюда мы должны были добраться с той скоростью, с которой "Чайка" шла еще вчера. Скорость не менялась, курс тоже. А теперь посмотри туда и скажи, что ты видишь.

Первый указал на обзорное стекло. Второй повернулся туда и некоторое время молча

всматривался в черную бездну космоса.

— Ничего, — наконец вынес он вердикт.

— Вот именно, — вздохнул Всеволод, вновь разворачивая проектор к себе. — Ничего. Ни одной звезды на много светолет вокруг, ни одной планеты, и, судя по всему, никакой жизни. И у меня дурацкое ощущение, что я тоже наглотался снотворного, или у нас коллективная галлюцинация.

— Так, подожди, — Ким с ошалелым выражением лица запустил пальцы в темные пряди и сжал виски, пытаясь заставить голову работать на полную катушку. — По факту получается, что мы неизвестно где и неизвестно как сюда попали, так?

— Так, — мрачно кивнул Всеволод.

— Звучит идиотски! — решительно заявил марсианин и, встав, принялся мерить свободное пространство нервными шагами. — Всему должно быть объяснение. Когда ты заметил что что-то не так?

— Два часа назад.

— А до этого?

— А до этого мы просто шли на своей обычной скорости. Как раз проходили восьмой сектор. Я искал информацию по нашей...

Первый замялся, не зная как оформить в слова то, что мучило их троих.

— Проблеме, — наконец нашелся он. — И просто в один момент, когда поднял голову, понял, что вид за окном поменялся. На вот это.

Он с досадой махнул на непроницаемую черноту.

— Так, надо подумать, — Второй с силой сжал гудящие виски. — Связь не работает. Нас могут глушить?

— Могут. Но тогда бы в эфире было абсолютно глухо. А ты слышал, каналы работают. Да и если бы глушили, не было бы связи, а звезды куда бы не делись.

— Это может быть какая-нибудь ловушка вроде пелены или иллюзии, что окутывает "Чайку"?

— Может, в принципе, — пожал плечами Всеволод. — Но мы идем на сверхсветовой, какое в таком случае поле должно быть у этой иллюзии? Разве что она движется вместе с кораблем. Хотя, честно, я никогда не слышал о таком явлении... или технологии.

— Может, какой-нибудь пространственный разлом?

Первый скептически поднял бровь.

— А я думал, фантастикой ты не увлекаешься.

— А я думал, за годы в космосе ты уяснил, что ничего невозможного не бывает, — съязвил Ким. — Профессор вон тоже думал, что живой туманности не существует.

Всеволод открыл было рот, чтобы отбить шпильку друга, но его прервал тихий голос, раздавшийся со стороны двери:

— Ким прав. Это действительно что-то вроде пространственного разлома.

— Ты зачем встал! — Второй кинулся к фиксианцу, тяжело опирающемуся на дверной косяк, и осторожно поддержал его. — Сейчас же иди обратно в каюту!

— Со мной все хорошо, — Третий благодарно взглянул на друга. — Правда. Просто небольшая слабость.

— Согласен с Кимом, — нахмурился Первый. — Тебе еще рано разгуливать по кораблю. Тем более что шов на груди уже дважды расходился.

— Я ненадолго, — извиняющимся тоном сказал Третий.

Он осторожно отстранился от поддержки Второго и подошел к панели управления. Пробежался взглядом по картам, которые оставил включенными Всеволод, по очереди включил несколько каналов связи и удовлетворенно кивнул каким-то своим мыслям,

словно именно такого результата и ожидал.

— Ты знаешь, что происходит, верно? — насторожился Первый, наблюдая за действиями фиксианца.

— Думаю, что знаю, — кивнул он. — Не могу сказать, что уверен на сто процентов, но думаю, что нас занесло в войд.

— Куда? — ошарашено переспросил Второй. — В войд? Но это же...

— Беззвездное пространство между галактиками, — кивнул Третий, повернувшись к друзьям. — Но у наших соседей этим словом обозначаются еще и особые закрытые пространства, которые встречаются в Магеллановом Облаке довольно часто. У нас в галактике их нет... точнее, я думал, что нет. Но то, что я сейчас вижу очень на это похоже.

— А... эээ... ты видел эти пространства... там, верно? — Второй только что дыхание не затаил.

Третий почти ничего не рассказывал о своем одиноком путешествии, а Кима, как ученого, уже просто изгрызло любопытство, которое никак не получалось удовлетворить. А тут вдруг случай наметился.

— Видел, — кивнул фиксианец, невидящим взглядом уставившись куда-то за спину Всеволоду. — Поллюбопытствовал на свою голову. Мне, как гостю, любезно все показали. Хотя сами магеллановцы редко туда заглядывают.

Третий невесело усмехнулся воспоминаниям.

— Я потом несколько дней плохо спал после той экскурсии.

— Почему? — непонимающе сдвинул брови Ким. — Они же не...

Он замолчал, не решаясь высказать вслух на первый взгляд абсурдную мысль, и попробовал подойти с другой стороны.

— Третий, а наши соседи, они... ну, такие же, как мы? В смысле, моральные ценности и ориентиры у нас совпадают?

— Да, — пожал плечами фиксианец. — Но так было не всегда.

— Что ты там увидел? — прямо спросил Первый, которому стало как-то не по себе от таких откровений.

— Тюрьмы, — отстраненно ответил Третий, не встречаясь взглядом с ошарашенными друзьями. — В каждой такой закрытой зоне у них были огромные тюрьмы, куда ссылались те, кого лишали свободы навсегда. Выбраться из войда самостоятельно невозможно. Только специальной пушкой, и ненадолго, снаружи пробивалась брешь, через которую иногда доставляли новых заключенных. Иногда кто-то убегал. Но чаще всего их расстреливали. Я даже видел некоторых — они там до сих пор дрейфуют как космический мусор. И тюрьмы эти изнутри видел.

Фиксианец закусил губу, вспоминая.

— Жуткое зрелище на самом деле.

Ким почувствовал, как его с ног до головы пробрал мороз.

— И вот эти... эти... — он явно не мог подобрать подходящих слов. — Эти самые существа подарили нам формулу абсолютного топлива, и так хорошо тебя приняли, и...

Третий перевел на друга непонимающий взгляд, а когда до него дошло, что именно возмутило Кима, даже рассердился.

— Они же заброшенные! — фиалковые глаза сердито сверкнули. — Я же не сказал, что они и сейчас их используют. Просто такое неприглядное наследие прошлого. Вообще, наша галактика по сравнению с ними более благополучная изначально. У нас если и были войны, то на отдельных планетах. А у них когда-то была огромная империя, которая охватывала очень много систем. И, как результат, возникли эти зоны в войдах,

куда ссылали и преступников и просто неугодных. Там кроме воядов много чего осталось, дикого на наш взгляд.

— Как же они достигли таких высот в науке? — удивленно и немного подавленно поинтересовался Всеволод, пытаясь представить себе тот мир с темным прошлым и светлым настоящим.

Третий молча пожал плечами.

— И что нам теперь делать? — добавил Второй, машинально дергая себя за вечно торчащую у виска прядь. — Если эти зоны непробиваемы изнутри, как мы отсюда должны выбираться?

— Ну, мы же попали сюда, — резонно заметил фиксианец. — Так что, один выход тут точно есть. А, если учесть, что пролетели мы его, даже не заметив, то он вполне природного происхождения и, или открытый всегда, или открывается периодически. Нужно просто вернуться и найти эту точку.

— Понятно, — кивнул Всеволод и повернулся к приборам. — Тогда я прокладываю обратный курс. А ты...

Он строго взглянул на Третьего.

— Спасибо за сведения и марш в каюту, отсыпаться.

— Можно попозже? — просительно взглянул на него фиксианец. — Я сейчас хорошо себя чувствую, так не хочется торчать там в одиночестве.

— Если хочешь, я могу посидеть там с тобой, — вклинился Второй.

Третий покачал головой.

— Не стоит. Хоть за предложение и спасибо. Я просто действительно устал от бездействия. Мостик корабля для меня лучшее лекарство, чем сон.

— Дело твое, — смягчился Всеволод, просчитывая координаты. — Но если почувствуешь себя плохо, сразу говори. И если не сможешь сам идти, тоже говори. Отведем.

— Спасибо, — фиксианец осторожно опустился в кресло, которое обычно занимал Ким и завозился, пытаясь устроиться поудобнее.

Второй, вставший рядом с Первым, уже в который раз отметил про себя эту деталь. Третий постоянно пытался посильнее укутаться в одеяло, поглубже зарыться в постель. Напоминало действия ребенка, который подсознательно ищет уюта или постоянно мерзнет. Вот и сейчас он как-то странно извернулся, сложив руки перед собой и уткнувшись лицом в край спинки. Глубоко вздохнул и затих, прикрыв глаза. Ким некоторое время наблюдал за как будто уснувшим другом, а потом перевел взгляд на Всеволода и наткнулся на насмешливый прищур голубых глаз.

— Что? — непонимающе посмотрел он в ответ.

— Занятно наблюдать, как ты о ком-то беспокоишься. Раньше такой возможности как-то не предоставлялось.

— Ты обалдел? — почти обиделся Ким. — Значит, по-твоему, я — бесчувственный чурбан, которому раньше было наплевать на друзей? А напомнить, сколько раз я тебя на горбу вытаскивал? Или когда вас на Эвридике какая-то дрянь местная скосила, кто за вами неделю ухаживал, а?

— Я не о том, — тихо, почти одними губами ответил Всеволод и вновь вернулся к приборам.

Ким с минуту смотрел на светлую макушку, борясь с желанием настучать по ней, но потом вновь перевел взгляд на Третьего и заметил, что фиксианец практически сжался в комок. Видимо, ослабленный организм постоянно мерз. Одеял на мостике не водилось, поэтому, недолго думая, Второй снял с себя куртку и кое-как укрыл друга. Третий

удивленно поднял на него глаза.

— Я все равно почти никогда не мерзну, — пожал печами марсианин. — Ношу только по привычке. Так что бери.

— Спасибо, — фиксианец укутался в куртку и снова затих, теперь уже уткнувшись носом в теплую подкладку.

— Ну, все, — Всеволод ввел последние координаты и встал с кресла. — Теперь, если наши догадки верны, приблизительно через два часа мы будем на том же месте, где напоролись на вход в разлом и остается только надеяться, что он находится там постоянно, а не дрейфует или появляется периодически и с большим интервалом. Ким, подменишь меня? Я хочу принести нам горячего чаю. Потому что я тоже почему-то начинаю замерзать.

— Это от переутомления и нервного напряжения, — донеслось из-под куртки.

— Возможно, — серьезно сказал Первый и, кивнув Киму на кресло, направился к выходу.

Второй сел и задумчиво уставился на непроглядную черноту за окном.

— А если мы все же не найдем выход? — задал он риторический вопрос в пустоту. — Третий, а что происходило в этих войдах там, в другой галактике?

— То же, что и в любом другом месте с ограниченными запасами ресурсов и большим количеством людей, — неохотно ответил фиксианец. — Борьба за выживание, убийства. Голодная смерть...

Голос Третьего дрогнул и он замолчал. А до Кима с опозданием дошло, что он только что опять напомнил другу о годах заточения, когда он сам чуть не умер от истощения.

Проклиная себя за тупость и черствость, Второй только хотел извиниться, как прямо перед обзорным стеклом темнота будто всколыхнулась, и внезапно прямо по курсу вспыхнуло кольцо синего света, внутри которого была все та же непроглядная чернота, а снаружи, по краю, шел орнамент из непонятных символов.

— Это он! — голос фиксианца звучал взволнованно, как никогда. — Это выход, Ким! Скорее, пока он не закрылся снова!

Второго не нужно было просить дважды. "Чайка" резко увеличила скорость и рванула вперед, к спасительному кольцу. А через несколько секунд черное пространство войда вновь стало мертвым, каким и было тысячу лет до этого.

Часть 3

Все вокруг было залито кроваво-красным светом. Ким в отчаянии пытался согнать с глаз эту пелену и понять, что происходит, но не мог даже голову оторвать от пола. Чудовищная тяжесть давила на спину, заставляя задыхаться и обливаться потом. Второй попытался позвать друзей, но в горле было суше, чем в марсианских пустынях. Отвратительное ощущение бессилия усиливалось чувством, будто все внутренние органы сейчас расплющит в лепешку.

Ким снова дернулся в попытке подняться, но без толку. Старательно лоя ртом хоть какой-то воздух, Второй замер и попытался оценить ситуацию. Он не чувствовал, что на него что-то упало и, учитывая специфический характер давления и красный аварийный свет вокруг, можно было предположить, что дала сбой система искусственной гравитации. Наверное, Всеволоду сейчас немного легче. Возможно, если он сможет издать хоть звук, друг услышит его и...

Капитан в ужасе распахнул глаза, поняв, что если Первому сейчас чуть легче, то Третьему... Он снова дернулся, и внезапно давление пропало. От резкого рывка Кима швырнуло вбок, и он неудачно приземлился на какой-то железный выступ. Раздался отвратительный хруст, и левую руку словно прострелило бластером. Глухо замычав от дикой боли, Второй на несколько секунд зажмурился, часто-часто дыша. Боль не уходила, а нарастала, из чего был сделан вывод, что руку он все-таки сломал. Сцепив зубы, Ким приоткрыл слезящиеся глаза и окинул взглядом мостик. Что бы ни нанесло удар по кораблю, "Чайка" была повреждена более чем серьезно.

Аварийный свет резал глаза и, стараясь не тревожить руку, он сделал несколько шагов к панели управления. Переключил системы освещения и еще раз осмотрелся. Третьего Ким заметил не сразу — фиксианец практически лежал на пульте, уткнувшись в него лицом и вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в рычаг, включающий дополнительную гравитационную установку. Он не шевелился.

— Третий, — прохрипел капитан, делая к нему шаг. — Третий, ты жив? Все в порядке?

— Жив, — глухо ответил фиксианец, но головы так и не поднял. — Ты как?

— Руку сломал, кажется, — Ким остановился, с все возрастающей тревогой глядя на друга. — Ты разбил голову? Третий, в чем дело? Почему ты не отрываешься от пульта?

— Ким, — голос фиксианца дрожал, и Второй с ужасом понял, что тот сейчас заплачет. — Отвернись.

— Что? Зачем?! Да что случилось, можешь ты сказать?!

— Меня швырнуло лицом на рычаг, — выдавил Третий, по-прежнему не шевелясь.

— И что? Третий, — твердо, насколько было возможно, сказал Ким. — Подними голову и покажи, что случилось. В конце концов, я — судовой врач. Я должен знать, что произошло.

Наверное, еще с полминуты фиксианец не шевелился, а затем уперся руками в пульт и, медленно выпрямившись, повернулся ко Второму. И один из самых отважных людей в Галактике, которого не могли сломить ни пираты, ни четырехлетнее заточение в собственном корабле, ни что-либо еще, был вынужден захлопнуть рот ладонью, лишь бы не заорать от ужаса. Потому что на месте красивых глаз цвета вечернего неба, на которые заглядывались девушки доброй части галактики, теперь были лишь два окровавленных провала.

— Третий, — еле выдавил Ким, все еще не веря тому, что видит.

Фиксианец качнулся вперед и в следующую секунду давился сухими рыданиями,

вцепившись в руку Второго и уткнувшись ему в плечо лбом. А марсианин стоял, словно парализованный, не в силах до конца осознать происходящее. "Это сон", — стучало в мозгу. — "Меня ударило об пол и у меня просто бред. Нелепый, страшный бред. Не может, чтобы это все было правдой..."

— Эй, вы живы? — Всеволод привалился к двери, подтягивая к груди окровавленную руку. — Третий, что случилось? Ты что, плачешь?!

— Сева, — Ким словно во сне повернулся на голос друга. — Ты в порядке?

— Руку разрезало. А так в норме. — Что с Третьим? Почему он плачет?

Первый, прихрамывая, подошел к друзьям. Третий попытался спрятать лицо, уткнувшись Киму в грудь. Всеволод в шоке взглянул на Второго. Тот только смотрел в ответ пустым взглядом. Да и что тут можно сказать? Первый медленно прошелся взглядом по мостику, задержался на покрытом кровавой массой пульте и в ужасе развернулся к фиксианцу, начиная понимать, что произошло. Футболка Кима на груди была уже вся красная и Первый в шоке прижал ладонь ко рту, понимая, что самые страшные опасения — правда.

— Как же так... — только и прошептал он, прежде чем "Чайка" снова сотряслась от мощного удара и, словно гигантская бетономешалка, пошла переворачиваться, превращая все, что было внутри незакрепленного, в однородную кашу.

Друзей расшвыряло в разные стороны и последнее, что Ким видел, это как Всеволода, словно бабочку, нанизало на обломок железной ножки кресла. А после наступила спасительная темнота.

Было тепло. Это первое, что Ким почувствовал, когда сознание стало подавать признаки жизни. И это было не искусственное тепло космического корабля, а самое настоящее, летнее и солнечное. На Марсе солнечные лучи почти не грели, поэтому он на всю жизнь запомнил это волшебное ощущение из своих коротких полетов на Землю. Сейчас солнечные лучи грели закрытые веки, щеки, почему-то обнаженные плечи. Открывать глаза не хотелось, но Второй не мог позволить себе неведение в отношении того, что с его друзьями. Поэтому, стараясь не вспоминать жуткие картины пустых глазниц Третьего и проткнутого Первого, твердя себе, что ему это привиделось в бреду, Ким медленно приоткрыл глаза. И тут же закрыл, давая им время привыкнуть к свету. Потому что солнечные лучи действительно падали прямо на лицо. Чуть погода вновь приподнял веки и постепенно зрение начало обретать четкость.

Он лежал то ли на кровати, то ли на больничной койке в каком-то зале монументальных размеров. Куполообразный потолок приятного песочного цвета уходил высоко вверх и был весь покрыт замысловатым орнаментом и какими-то письменами на незнакомом языке. Кое-где по потолку расползлись вьющиеся зеленые стебли с широкими листьями и бледно-розовыми цветами между ними. Какое-то время Ким бездумно любовался этой красотой, а потом повернул голову направо и встретился взглядом с огромными зелеными глазами. Без сомнения, фиксианскими. И, несмотря на заторможенность сознания, Второго прошел ужас. Только не они! Если сейчас окажется, что "Чайку" спасли именно фиксианцы, то все их попытки сохранить тайну Третьего пойдут прахом. По словам друга, любой его сопланетник сразу увидит, что у него появилась связь, а учитывая какой известной личностью Третий является на своей планете, все захотят узнать, кто именно удостоился счастья стать его парой. И кто-нибудь обязательно докопается до правды. Потому-то они и сорвались с места, даже не долетев до Солнечной Системы под предлогом, что пустились в погоню за Крысом, друзья решили уйти в свободный поиск по Галактике, и пока не найдут решение, не

возвращаться. И вот теперь все висит на волоске.

Ким попытался прочистить горло, чтоб спросить, что с его друзьями, но внезапно осознал, что сломанная рука не болит. Капитан удивленно пошевелил пальцами, слегка напряг мышцы. Даже намек на боль не было. Сколько же он валялся без сознания, что ему и кости успели срастить? Он вновь обратил свое внимание на незнакомого фиксианца... и осекся. Потому что кроме огромных глаз у неизвестного были еще и вытянутые уши, опущенные горизонтально. У Кима просто от души отлегло.

"Не фиксианцы. Какое счастье"

— Как Вы себя чувствуете? — прошелестело знакомое создание.

У него был какой-то странный голос, без интонации и тембра, как будто шумел сухой камыш.

— Вы меня понимаете?

— Понимаю, — кивнул Второй и непонимающе повторил, — понимаю... Я что, разговариваю мысленно?!

— Мы не знаем ваш язык, — пояснил незнакомец... или незнакомка, глядя на него немигающим взглядом. — Поэтому приходится передавать образы очень примитивными телепатическими сигналами. Простите, но мы не знаем ваших возможностей. Если вас оскорбляет моя примитивная речь, то я перейду на обычную.

— Давайте, — кивнул Ким, и тут же на его мозг обрушилась раскаленная лавина из тысяч и тысяч образов.

— Стойте, стойте! — Второй едва не взвыл. — Я понял, мои возможности такого не позволяют! Давайте лучше примитивно.

— Простите, — прошелестело создание. — Значит, ваша раса — не телепаты?

— Не только наша. Я даже навскидку не скажу, кто из известных планет использует телепатию, и используют ли ее вообще. Кстати, где мы? Кто вы? Что с моими друзьями?

— Тот, что похож на Вас — в реанимации. У него пробито три внутренних органа. А искандарианец лежит на соседней кровати. Его лечение уже закончено.

Ким повернул голову и, с облегчением убедившись, что по соседству спит Третий и глаза его вновь целые, снова перевел взгляд на незнакомца.

— Простите, как вы его назвали? Искан... что?

— Искандарианец. Разве ваш друг не с Искандара?

— Нет, он с Фикса. Фиксианец.

— С Фикса? А где это?

Ким почувствовал, что привычная реальность слегка пошатнулась.

— Вы никогда не слышали о Фиксе? — он неверяще воззрился на зеленоглазое создание. — Это ведь одна из самых известных планет Млечного Пути.

— Млечного Пути? — большие уши забавно шевельнулись, и незнакомец с интересом уставился на мужчину. — Так называется ваша галактика? И где она находится?

Привычная реальность стремительно полетела под откос. Ким несколько минут, наверное, сидел и тупо хлопал глазами. А потом решил, что прежде чем делать выводы, нужно разобраться во всем детально. Кто знает, может у этих существ их галактика и Фикс просто по-другому называются.

— Давайте по порядку, — Второй озадаченно потер лоб. — Прежде всего, огромное вам спасибо, что помогли нам. И за то, что вылечили Третьего, и Всеволода лечите. Я вообще поражен вашими возможностями в медицине. Так быстро все залечить. И мою руку тоже.

— Разве быстро? — существо удивленно (во всяком случае, Киму показалось, что удивленно) пошевелило ушами. — Вы пролежали в коме две недели.

— Сколько? — Второй пораженно уставился на собеседника. — Две недели?! А что со мной было?!

— Разбита голова, повреждены многие участки головного мозга. Операция заняла почти половину суток.

Ким машинально поднес руку к голове, ожидая, что наткнется на короткую щетину, но пальцы привычно нырнули в мягкую шевелюру.

— А как же волосы? — беспомощно спросил он.

— Отрастили, — взмахнуло ушами существо. — Это ведь мелочь.

— А Третий?

— Искан... фиксианец? Новые органы можно вырастить за неделю. Но он очень ослаблен, поэтому мы искусственно поддерживаем сон, снабжая организм питанием через инъекции. Если хотите, сон можно прервать. Тем более что организм уже восстановлен до нормального состояния.

Второй почувствовал, как к горлу подступил комок.

— Спасибо, — тихо подумал он, и существо довольно прикрыло глаза. — Но все же, как вы нас подобрали? И где мы? И кто вы?

— Наша галактика называется Черный Глаз. Планета, на которой мы находимся — заповедник. Здесь почти никто не живет, только несколько зрителей. Вас вышвырнуло в районе заброшенных Врат и удивительно, что не перемолотило на куски, учитывая, как давно их не использовали. У вас, должно быть, очень крепкий корабль, раз он смог это выдержать.

— Да, наверное, — тихо пробормотал Ким, пытаюсь вспомнить, слышал ли он хоть что-нибудь о галактике "Черный глаз". — А почему Врата заброшены? И что вообще за врата?

— Врата переброски. Те, через которые прошли вы, были построены искандарианцами, и ими же закрыты после их ухода. Они не хотели, чтобы за ними шли другие, и в итоге этот канал оказался нерабочим. А в нерабочих каналах энергии накапливается слишком много и она слишком непредсказуема, поэтому соваться туда небезопасно. Где вообще вы нашли их?

— В войде, — рассеянно ответил Второй. — Искали вход, через который не заметили, как пролетели, и приняли эти... врата за него.

— Тогда это многое объясняет, — существо снова взмахнуло ушами. — Конечно, искандарианцы не могли подвергать опасности других существ, потому и замкнули вторую арку на войде.

— Искандарианцы, говорите, — Ким задумчиво уставился на собеседника. — И выглядели они так же, как фиксианцы?

Он качнул головой в сторону Третьего. "Ушан" согласно закивал.

— Абсолютно так же. Но они ушли отсюда уже очень давно.

"Не в нашу ли галактику", — невольно подумалось Киму. Может, не зря Фикс — настолько развитая планета? И, учитывая ее изначально неблагоприятные характеристики, как она смогла породить столь гуманную расу, которая даже войн почти не развязывала? Эти странности всегда порождали массу вопросов и Второго настолько захватила перспектива узнать новое, что он не сразу почувствовал, как кто-то слабо тянет его за руку. Опустил глаза и встретился взглядом с Третьим.

— Ты очнулся, — обрадовался Ким. — Как самочувствие?

— Честно говоря, прекрасное, — немного хрипло отозвался фиксианец. — Лучше чем за последние лет десять, наверное. Но где мы? И как...

Он молча дотронулся до глаз, боясь озвучить вопрос. Второй успокаивающе накрыл

его ладонь.

— Все в порядке. Тебя вылечили. Да и нас с Севой, судя по всему, тоже. Вот, можешь спросить...

Ким обернулся к "ушану" и понял, что тот пропал.

— Куда он делся?? — удивленно заозирался марсианин.

— Кто? — Третий с легкостью, которой Ким не видел у него уже давно, сел на постели. — Здесь кто-то был?

— Да. Станный немного тип. Глаза большие, как у вас, но еще и уши длинные, горизонтально опущенные. Одновременно напоминает и фиксианцев и ушанов. Разговаривал со мной телепатически. Ты вообще когда-нибудь про такое слышал?

— И слышал, и на себе испытал. Мне пришлось так общаться с нашими соседями, пока они вносили наш язык в свою базу данных. Он не предлагал тебе общаться "нормальным", не примитивным способом?

— Предлагал, — фыркнул Ким. — Приятного мало.

— Ага, я тоже на это попался. Думал, мозги взорвутся. Так что, мы в гостях у расы телепатов? А в каком секторе галактики?

— А тут еще интереснее. Наш новый знакомый утверждает, что их галактика называется Черный Глаз. Ни о Млечном пути, ни о Фиксе он слыхом не слыхивал. Тебя называл искандарианцем и сказал, что нас вышвырнуло из каких-то заброшенных врат переброски и вообще чуть не перемололо на фарш.

Третий ненадолго задумался.

— В принципе, все логично, — задумчиво сказал он. — Я сглупил, когда крикнул тебе, что это был выход. Ведь Сева же ясно сказал, что назад нужно было вернуться на два часа. А мы покинули войд практически сразу после того, как развернулись. Да и вход должен был быть природного происхождения, а кольцо, в которое прыгнула "Чайка" явно было рукотворным. Значит, это были некие врата в незнакомую нам область Вселенной?

— Очевидно, — кивнул Ким.

Слева раздалось шуршание и рядом с кроватями снова возникло зеленоглазое создание. Ким чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Вы что, телепортировались? — не слишком вежливо поинтересовался он, стараясь не показать, что испугался.

— Да, — ответило существо, шевеля ушами, и на этот раз оно говорило обычным голосом, на чистейшем общегалактическом языке, а не передавало слова прямо в мозг.

Зеленые глаза уставились на очнувшегося Третьего и существо изобразило легкий полупоклон.

— Рада, что и Вы очнулись.

— Спасибо, — фиксианец с любопытством смотрел на незнакомое создание.

— Вы разговариваете уже не мысленно, — заметил Ким. — Разве Вы знаете наш язык?

— Я получила полный пакет информации по вашему языку, когда Вы согласились на обычную форму общения. Через час все здешние обитатели смогут разговаривать с вами вполне свободно.

— И много вас здесь? — полюбопытствовал Второй.

— Пятеро.

— Эм... в здании, или вообще?

— Вообще. Это планета-заповедник, здесь нет смысла жить. Мы присутствуем тут только как хранители исторических памятников. Кстати, меня зовут Нирхея.

— Меня Ким.

— А меня — Третий, — улыбнулся фиксианец.

Нирхея немного недоумевающе моргнула, и Ким едва не рассмеялся, глядя на ее реакцию.

— Да, это имя, — весело пояснил он. — Так оно звучит на общем языке. Поэтому, иногда мы называем друг друга по порядку. Первый, Второй, Третий. Чтоб никому обидно не было.

— А, — Нирхея довольно взмахнула ушами. — Теперь понятно. Вообще, я хотела сказать, что ваш друг пришел в себя. Если хотите, можете его навестить.

Друзья буквально вылетели из своих постелей.

Следуя за своей провожатой по извилистым коридорам, Ким с огромным облегчением понял, что Третьего действительно исцелили. Полностью. Он больше не прихрамывал, не задыхался от слабости, не морщился, когда задевал старые раны. Фиксианец снова стал таким, каким был до своего одинокого путешествия. Это радовало, дарило надежду. И все же, хоть Второй и понимал, что это жутко эгоистично и отвратительно, в самой-самой глубине души его колело легкое сожаление, что теперь его поддержка другу больше не нужна. Не нужно больше подхватывать его каждый раз, когда ему становится плохо, сидеть с ним по вечерам и ухаживать за ранами. Почему-то от этого было немного грустно.

Примечание к части

Галактика "Черный глаз", она же "Спящая красавица" созвездие Волосы Вероники:
<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/c4/Blackeyegalaxy.jpg/250px-Blackeyegalaxy.jpg>

Часть 4

Солнце припекало немилосердно. После часа работы без возможности спрятаться в тень, Всеволод не выдержал.

— Всё, не могу больше.

Воровато оглядевшись и, не увидев никого в пределах досягаемости, Первый стянул футболку, которую впору было выжимать.

— Ой, красота какая, — облегченно выдохнул он, зашвыривая одежду куда-то под амортизатор "Синей чайки".

— Ну и давно бы так, — заметил Третий, который латал обшивку, балансируя при этом на краю выдвинутого трапа. — Чего столько времени было мучиться?

— Неудобно как-то, — дернул плечом Первый, вновь принимаясь за работу. — Не люблю я полуголым ходить.

— Стесняешься здешних большеглазых дамочек? — улыбнулся фиксианец, бросив вниз лукавый взгляд.

Всеволод от души запустил в друга грязной тряпкой, которой вытирал руки.

— Единственная большеглазость, которую я здесь вижу, стоит сейчас на трапе и хихикает надо мной!

— Заслужил.

Сверху раздался короткий смешок и фиксианец скрылся из виду.

— А куда Ким пропал? — удивленно спросил он через минуту, вновь вернувшись на трап. — Недавно ведь внутри корабля возился.

— Да вон он, сидит на склоне, — кивнул Первый на скорчившуюся вдали фигуру. — Сказал, что ему плохо и нужно несколько минут уединения. Наверное, опять сны мучили.

— Сны? — Третий повесил на плечо связку инструментов и ловко соскочил на примятую траву. — Какие сны?

— Да так... — замялся Всеволод, сообразив, что только что проболтался. — У него в последнее время кошмары странные начались. Не высыпается из-за них и вообще...

Большие глаза уставились на Первого с немым упреком.

— Ну что? — попытался оправдаться тот. — Он сам просил ничего тебе не говорить, чтоб лишний раз не расстраивать. Да и мне-то проговорился случайно, когда я заметил что у него глаза постоянно воспаленные.

— И ты молчал, — с упреком сказал Третий, продолжая смотреть так, что сквозь землю хотелось провалиться.

— Ну, извини, — буркнул Всеволод. — Меня попросили молчать. Да и вообще, это всего лишь сны. Может, это на него так планета телепатов действует.

— Пойду схожу к нему, — Третий снял с плеча связку, и Первый картинно закатил глаза.

— Что? — непонимающе уставился на него фиксианец.

— Вы друг без друга и пары минут прожить не можете, — весело хмыкнул Всеволод.

— Куда он, туда и ты. И наоборот. Вам надо друг на друга датчик повесить, чтоб всегда знать, кто где находится.

— Я подумаю над этим, — полушутливо отозвался Третий.

— Служебный броманс, — пробормотал Первый, за что получил в голову той самой тряпкой.

— Еще и возмущается! — весело фыркнул он, глядя вслед фиксианцу. — Как будто я неправ.

Второй уже часа два сидел без движения, бездумно уставившись на травинку, по которой туда-сюда ползало нечто, напоминающее земную божью коровку. В голове было пусто, на душе больно. Хотелось заползти куда-нибудь в нору, и чтоб никто его не видел, и ему никого не видеть. В памяти, словно карусель, кружились образы и сны, которые лавиной обрушивались на него в последние две недели, не давая нормально спать и не оставляя шанса на душевный покой.

Две недели он молча боролся с собственным подсознанием, уговаривая себя, что вся муть, которая приходит к нему кровавыми видениями — не более чем следствие последних событий. Две недели он спал лишь по несколько часов, в лучшем случае, и упрямо молчал о том, что происходит. Лишь однажды проговорился Первому, что иногда достают кошмары. И, возможно, он бы и дальше продолжал молчать, но сегодня случайно оброненная Третьим фраза расставила, наконец, все по местам. И теперь Киму хотелось лишь одного — забыть. Закрыть глаза, зажать уши, скрутиться в комок и чтоб не видеть, не слышать, не помнить все то, чему он невольно стал свидетелем, что заставила его увидеть эта странная планета...

Они гостили на Балане уже три недели — в сознании, и пять недель в общем. Смотрители планеты оказались гостеприимными и дружелюбными существами, низкими — Киму по грудь, глазастыми, с вечно шевелящимися ушами, четырехпалыми, и все как на подбор женского пола. Нирхея, Альма, Кайлин, Терцея и Ализис. Они хвостиками ходили за капитанами, с огромным любопытством слушали рассказы о Млечном Пути, телепортировались, будто нарочно, так, чтобы оказаться перед самым носом, чем неизменно заставляли друзей подпрыгивать от неожиданности, и все время за это извинялись.

Когда капитаны осмотрели нещадно искалеченную "Чайку" и приступили к ремонту, смотрительницы напросились в гости, и у Кима целый день было ощущение, что по кораблю бегают дети — до того любопытными и неугомонными они оказались. В конце концов, выудив возмущенно пищавшую Терцею, которая никак не могла дотянуться до наручного телепортатора, из отсека с образцами материалов, Второй втихаря зарекся пускать на корабль еще хоть кого-нибудь кроме друзей. В тот же вечер Первый и Третий по секрету поведали ему, что пришли к точно такому же выводу.

Балан и вправду оказался планетой-заповедником с весьма строгими правилами. Здесь были запрещены почти все достижения местной науки. Смотрительницы не пользовались какой-либо бытовой техникой — воду кипятили на кострах, еду готовили там же. Электричества не было — вместо него по вечерам зажигали какие-то светильники, напоминающие керосиновые лампы. А когда Всеволод спросил насчет приборов телепортации, то услышал длинную лекцию о том, что это не достижение современной науки, а наследие прошлого, оставшееся еще от ушедшей, не технологической, а биологической цивилизации. Первый тихонько сказал: "А, понятно", хотя не понял ровным счетом ничего, но переспрашивать не стал. И без того его порой посещало дикое чувство, что в глазах этих по-детски непосредственных существ они выглядят как пещерные люди, не понимающие элементарных вещей и законов Вселенной.

На планете было всего два места, где техника присутствовала — небольшой космодром и медицинский блок. Раз в неделю на космодром приходил автоматический корабль с провизией. Отсюда же можно было связаться с обитаемой галактикой. Нирхея, как самая старшая, каждый вечер отправляла короткий отчет о том, что все в порядке.

Несколько раз она делала запросы на доставку деталей, необходимых для ремонта "Синей чайки" и корабль привозил их буквально через несколько часов. Здесь же поместили саму "Чайку", которая была покорежена так, словно ее частично пропустили через мясорубку.

Когда Ким впервые увидел, что стало с любовью всей его жизни, он чуть не расплакался. Стоял и кусал губы, изо всех сил сдерживая наворачивающиеся слезы. Хотя за всю жизнь позволял их себе лишь в раннем детстве и когда думал, что Третьего убили. К счастью, поблизости кипела жизнь высокоразвитой галактики, а зрительницы с энтузиазмом взялись помочь в поиске необходимых для ремонта деталей и инструментов. Так что уже на третий день друзья смогли приступить к починке своей верной боевой подруги. Работа закипела, и хоть конца края ей не было видно, все было почти хорошо. Планета действовала на самочувствие и настроение как гигантский санаторий, все болезни были растворены местной медициной, Третий больше не сползал по стенам от слабости, и они снова были вместе, как в старые добрые времена. Если бы не пережитое, которое невесомой, но прочной тенью периодически окутывало мысли, то Ким был бы абсолютно счастлив. По крайней мере, до тех пор, пока ему не приснился тот, первый сон. Это случилось спустя неделю после того, как он вышел из комы...

Он лежит лицом вниз на какой-то плоской твердой поверхности. То ли стол, то ли что-то похожее. Что-то ужасно давит и наваливается на спину, не давая нормально дышать, дергает из стороны в сторону, то вдавливая в поверхность, то заставляя елозить по ней лицом. У самых глаз из столешницы торчит острая щепка, и он зажмуривается, чтобы не напороться на нее. Хочет пошевелить руками, но не может. С руками вообще творится что-то странное — он просто не может понять, где они у него. Вся спина горит огнем, словно там один сплошной ожог, его отвратительно тошнит, а в животе такое чувство, будто кишки наматывают на раскаленную кочергу. И, что самое ужасное — кошмарное чувство безысходности и отчаяния, словно то, что с ним происходит — конец всему. Как будто эта треклятая столешница крышка гроба, которая вот прямо сейчас захлопнется на всем его дальнейшем будущем. И какая-то детская обида примешивается ко всему: "Как же так?... За что?... Почему не пришли, почему бросили?"

Второго буквально подкинуло на постели, и он вовремя успел придушить крик, рвущийся наружу. Дрожащей рукой утер со лба бисеринки пота и вновь откинулся на мокрую подушку. Его всего колотило и было настолько гадко, словно он только что несколько раз окунулся в отвратительное болото. Ким так и не понял, что за неведомая чушь происходила в этом сне, но одно он знал точно — до правды ему докапываться не хочется.

Второй сон приснился на следующую же ночь. Обстановка была почти такой же, и стол был тот самый, и ощущения почти совпадали. Единственное, что было другим — отчаяние уступило место какой-то покорной обреченности. Не было и обиды, которая так ярко ощущалась в прошлый раз. Уткнувшись лбом в неровное дерево, он старался отвлечь себя мыслями о чем-то хорошем. Вспоминал "Синюю чайку", её уютные каюты, тишину капитанского мостика, россыпи звезд за обзорным стеклом... А потом увидел Севу и... себя. Как будто он бесплотным призраком стоял рядом с собой же. И поразился — насколько красивыми они с другом были. Как будто вокруг них клубились мерцающие облака энергии, и при малейшем движении эта энергия разлеталась в стороны россыпями искр. На душе ощутимо потеплело, и болезненная и непонятная действительность отодвинулась куда-то на задний план. Он даже смог чуть улыбнуться.

Последнее, что Ким запомнил из этого сна — это как что-то дернуло его за волосы, заставляя голову запрокинуться назад, до боли в шее. Потом он проснулся и до утра лежал, глядя в потолок и пытаясь понять, отчего этот странный сон так к нему привязался.

Третье сновидение догнало его днем, когда они сделали перерыв в работе и он развалился на залитой солнцем лужайке. Из-за бессонной ночи его быстро накрыла дремота, и он тут же осознал себя на чем-то распятым. Все тело огнем горело, по обнаженной коже медленно и щекотно ползли горячие дорожки. В воздухе стоял резкий металлический запах крови. Второй попытался приподнять голову, но она безвольно болталась где-то между полом и тем, на чем он лежал, и в ушах медленно, но верно нарастал шум, через который не могли пробиться даже странные скрипучие голоса, которые что-то требовательно повторяли... Из кошмара его вырвал Всеволод, который шутки ради выплеснул на него ведро прохладной воды. Ким повозмущался для приличия, но в душе был неизмеримо благодарен другу за его выходку. Вечером того же дня он принял снотворное, но оно не помогло. Всю ночь ему снилось, что он ужасно хочет пить, но вокруг лишь темнота и шершавые камни. Он устало шарит руками по стенам, ища хоть какие-то капли влаги, прижимается потрескавшимися губами к прохладным камням, но утолить жажду это не помогает. И когда перед глазами начинают плавать разноцветные пятна, и он уже ничего не замечает, в горло начинают насильно заливать воду. Он захлебывается, но пьет так жадно, что чуть не задыхается...

Когда Ким проснулся, он махом выпил целый графин воды, который неизменно оставляли в каждой комнате смотрительницы. У капитана дрожали руки, и сердце колотилось где-то в горле. Этот сон был хуже всего. Можно было перетерпеть боль, но изнывать от жажды в непонятном месте, где только камни и темнота было невыносимо. Вид кровати начал вызывать у Второго содрогание, поэтому он до рассвета просидел на подоконнике, успокаивая взгляд и нервы ночными пейзажами Балана. Спать он теперь просто боялся.

После этой ночи сны стали приходить регулярно. Не только ночью, но и днем, когда он забывался легкой дремотой. За две недели Ким успел на собственной шкуре испытать, наверное, все пытки, которые изобрели извращенные умы садистов не одной планеты. Он почти не спал, но упрямо никому ничего не рассказывал. Только Всеволоду один раз сболтнул, сильно приуменьшив масштабы проблемы. Ким убедил себя, что это все от переживаний за Третьего. Он слишком сильно изводил себя, представляя, что же пришлось перенести его другу в плену, вот подсознание и выдало полный комплект, наверняка еще и сильно приукрашенный. Второй даже нашел лазейку, которая помогала отвлекаться и делать боль относительно терпимой — нужно было просто начать вспоминать их приключения в прошлом, учебу в академии, "Синюю чайку" и... себя. Вот этот момент был самый странный, но Ким всегда видел себя в своих же воспоминаниях со стороны. И неизменно его окружало это странное облако мерцающих искр. Постепенно он заметил, что в этих снах такое свечение окружает любой предмет, любое живое существо. Возле чего-то мерцание было сильнее, возле чего-то — слабей. Сева и он всегда сияли сильнее всего, причем, возле Всеволода это мерцание приобретало золотой оттенок, а возле него самого — сизый. Еще одной странной особенностью этих снов было отсутствие Третьего. Сколько бы Второй ни озирался, фиксианец всегда отсутствовал. Вначале это огорчало его, потом он привык. В конце концов, это просто сны.

Так промелькнули две недели. Сегодня они собирались до обеда поработать с

"Чайкой", а потом смотрительницы обещали устроить им экскурсию по древним храмам. Друзья давно заглядывались на исполинские сооружения, возвышающиеся над зеленым покровом леса, но решили, что сперва закончат хотя бы самую основную работу. И когда они с энтузиазмом принялись за починку обшивки, Всеволод начал вслух строить теории о том, кто и зачем построил эти храмы. Были ли это места поклонения богам, или там были огромные библиотеки, или...

— Библиотеки, — отозвался Третий, не отрываясь от работы и кинув в сторону храмов лишь короткий взгляд. — Ну, или что-то вроде того. Но это точно места, где хранится память.

— Откуда ты знаешь? — удивленно повернулся к нему Второй.

— Вижу, — как само собой разумеющееся ответил фиксианец.

— В смысле? — Всеволод тоже повернулся к другу.

— В прямом, — улыбнулся Третий, опустив руки с инструментами. — У нас немного не такое зрение, как у вас.

— Это трудно не заметить, — иронично протянул Ким, намекая на знаменитые "фиксианские глаза", термин, которым в галактике обозначали любые красивые и выразительные глаза. — Вашим аютиным глазкам можно только позавидовать.

— Да нет, я не о том, — отмахнулся Третий. — Мы действительно видим больше, чем вы. Вот что ты видишь, когда смотришь на Севу?

— Руки, ноги, голову бестолковую... — ехидно ухмыляясь начал перечислять Второй. Всеволод погрозил другу кулаком.

— Глаза наглые, кулаки здоровые...

— Все, все, я понял, — засмеялся Третий. — В общем, ты видишь его тело, видишь цвет кожи, глаз, волос. И все. А мы видим еще и жизненную энергию, которую источает любое живое существо.

— Как это?! — округлил глаза Первый.

— Ну... — замялся Третий, не зная, как объяснить. — Сложно пояснить, если вы ни разу с этим не сталкивались. Просто любое живое существо окружает облако энергии. Чем существо сильнее и здоровей, тем это облако ярче. Неодушевленные предметы такой особенности не имеют, но в местах, где бывает много людей, часть их энергии остается, и даже спустя многие и многие годы ее можно заметить. Особенно этим отличаются учебные заведения, библиотеки. Над теми храмами такой след еще есть, потому я и предположил, что...

— Третий, сколько еще секретов у вашей расы? — мягко перебил его Первый. — Знаешь, друг, я скоро начну опасаться фиксианцев. Почему ты никогда нам об этом не рассказывал?

— А вы бы мне поверили? — честно посмотрел на него Третий.

— Ну, сейчас же верим.

— Вот именно. Сейчас. После того, как прыгнули через вояд в подпространственные врата и оказались где-то на окраине Вселенной. После того, как вы узнали о другой нашей... особенности. А тогда?

Всеволод не нашел что сказать. Слова друга неприятно отозвались где-то внутри. А и в самом деле, поверили бы они тогда? И доверяли ли они друг другу по-настоящему в таком случае?

Первый в немного подавленном настроении вернулся к работе. Третий беспомощно обернулся к Киму.

— Ну вот, я его обидел. Эй, что с тобой?

Второй стоял, мертвой хваткой вцепившись в инструменты, и расширившимися

глазами глядел перед собой.

— Эй, — фиксианец наклонился к другу. — Что такое?

— Какого они цвета? — резко спросил Ким.

— Кто? — удивленно моргнул Третий.

— Облака энергии, о которых ты рассказывал.

— Разные, — пожал плечами фиксианец.

— Хорошо, какого цвета они у нас с Севой?

— У Севы золотое. Как солнце. А у тебя сизое.

Алмазный резак, который Ким держал в руках, с грохотом рухнул им под ноги. Третий едва успел отскочить.

— Ким? — не отрывая от друга встревоженного взгляда, фиксианец осторожно поднял резак. — В чем дело?

Второй поднял на него помертвевший взгляд и неловко дернул уголками сжатых губ.

— Все хорошо. Просто рука занемела.

— Может, тебе стоит отдохнуть, а мы сами поработаем?

— Нет, все нормально, — Второй забрал у друга инструмент. — Я сегодня поработаю здесь, а вы с Севой идите на ту сторону, там как раз работы на двоих.

— Хорошо, — было видно, что Третий не поверил ни единому слову, но спорить не стал. — Если понадобится помощь, зови.

— Да, конечно, — Ким выдавил улыбку, дождался, пока друг скроется за кораблем и направился в противоположную сторону.

— Я ненадолго, — бросил он на ходу Всеволоду. — Третьему не говори, что я ушел. Хочу немного побыть в одиночестве.

— Ладно, — пожал плечами Первый, не отрываясь от работы. — Что, опять не выспался?

— Типа того.

Итак, это правда.

Ким неловко, словно все тело разом одеревенело, опустился на траву на краю зеленого склона, ничего не видя перед собой. Все его сны были не более чем проекцией мыслей и чувств Третьего. Смотрительницы рассказывали, что среди телепатов это обычное явление, когда близкие люди ловят сны и воспоминания друг друга. Он не был телепатов, но Третий был ему самым близким существом, и они были на планете, за которой присматривали телепаты. Удивительно ли, что все так получилось?..

Второй вспомнил самый первый сон и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Это ведь...

Мужчина застонал и вцепился в волосы. Легко было закрывать глаза на очевидное, когда казалось, что это просто дуреет подсознание. Но если вникнуть, то он невольно стал свидетелем таких вещей, о которых даже шепотом не вспоминают. И как после этого смотреть в глаза Третьему? Нет, хуже. Как после того, что они бросили, оставили его без помощи там, смотреть ему в глаза? Как вообще можно продолжать называть себя его другом после такого?!

Киму хотелось исчезнуть сию секунду, раз и навсегда. Раствориться в этой чистой природе и обрести здесь долгожданный покой. Потому что он не сможет, просто не сможет жить с таким грузом вины. Он скорчился, словно пытаясь исчезнуть, да так и застыл, погрузившись в горестные мысли. В этой позе его и нашел Третий.

— Ким? — осторожно позвал он, опускаясь рядом. — Что случилось? Тебе плохо?

Сева проболтался, что тебя кошмары мучают... Ким?!

— Как ты это выдержал? — прошептал Второй, даже не пытаясь скрыть слез, которые начали соскальзывать по щекам.

Он повернулся к другу, и шокированный фиксианец увидел в его глазах то, чего не было там раньше — отражение собственной боли, которая медленно точила его душу день за днем.

— Как? — полным боли и непонимания голосом повторил Ким, и заплакал.

Примечание к части За идею, почему корабль Второго капитана назван именно "Синяя чайка" огромное спасибо Мирилас :)

Часть 5

— Что произошло? — Всеволод непонимающе смотрел на понурившегося Третьего, который шел, глядя только себе под ноги и, время от времени, досадливо пинал какой-нибудь камешек. — О чем вы говорили? У тебя такой вид, будто вы поссорились.

— Да нет, — фиксианец мотнул головой. — Ничего такого. Просто... Я сам не понял, если честно. Ким пл... просил за что-то прощение, а за что — так и не объяснил. Кроме каких-то неясных бормотаний я из него и слова не вытянул.

— Мне кажется, это очевидно, — Первый выдержал непонимающий взгляд друга. — Ему стыдно за то, что он не спас тебя... тогда. Как и мне.

— Может, хватит? — устало вздохнул Третий. — Мы ведь уже об этом говорили. И с Кимом я на эту тему разговаривал, еще в начале полета. И я бы понял еще, если бы он все время в таком состоянии находился, но все ведь хорошо было! И вдруг... ни с того, ни с сего...

Они, не сговариваясь, посмотрели в ту сторону, где Ким всю болтал со зрительницами, явно пытаясь скрыть свое истинное настроение и неосознанно отгораживаясь от друзей. Третий вздохнул и покачал головой.

— Столько проблем от меня. Честно тебе скажу, я порой и не рад, что вам удалось меня спасти. Даже не спасти, а вообще найти.

— Совсем рехнулся?! — возмущенно повысил голос Всеволод. Ким бросил в их сторону косой взгляд, но головы не повернул. — Что вообще за мысли?!

— Ну, сам посуди, — фиксианец устало повел плечами. — Вы ведь все равно думали, что я умер. Ким так считал целых четыре года, уже свыкся с этой мыслью. Было бы гораздо проще, если бы вы просто улетели. В памяти осталось бы только хорошее, и не было бы всех этих угрызений совести. Мне, если честно, хуже не стало бы — я уже и так был на последнем издыхании. И не боялся — радовался, что наконец-то все закончится. Если бы не Алиса...

— Слушай, Третий, а ты знаешь, как меня чуть не подкосило известие о твоей мнимой смерти? Я-то ведь не думал четыре года, что ты умер. И когда мы нашли тебя в подземелье, у меня словно гора с плеч свалилась. Тебе известно, что пока тебя реанимировали, Ким наполовину седым стал?

— Что? — уставились на Первого фиалковые глаза. — Что за шутки?

— Это не шутки, — сердито посмотрел в ответ Всеволод. — Он при мне программу восстановления волос включал в реанимационном блоке, пока ты от операции отходил. Не хотел, чтобы ты это увидел, да и остальным тоже показываться в таком виде не хотел. В суматохе никто особого внимания не обратил, но да, волосы у него заметно посеребрились. За каких-то пару-тройку часов. И ты все еще думаешь, что нам было бы легче, если бы там умер?

— Прости, — фиксианец ссутулился, продолжая подпирать попадающиеся камешки. — Просто... если бы все дело было только в посттравматическом синдроме, я бы смог забыть или хотя бы отодвинуть на задний план. И вам бы не пришлось изводить себя. Но эта... связь. Я ведь чувствую... его. Все время. Чувствую его сознание. И там такие... колодцы. Беспросветные и бездонные, в них и заглядывать страшно...

Третий говорил все тише, и последние слова почти прошептал, судя по всему, уже жалея о своей откровенности.

Первый почувствовал, что его накрывает озноб, который он всегда ощущал, встречаясь с чем-то жутким и неестественным. Похожее он чувствовал, когда Третий рассказывал про посещение войдов. Жуткое чувство бессилия перед чем-то настолько глубоким и неизведанным, что ты со всем своим опытом кажешься лишь незначительной песчинкой, у которой просто нет шансов. К счастью, неловкое молчание прервала старшая смотрительница.

— Мы пришли, — раздался негромкий голос Нирхеи.

Друзья отвлеклись от своих невеселых мыслей, и у Первого невольно вырвался вздох восхищения.

Храмы действительно поражали воображение. Исполинские сооружения, которые умудрялись выглядеть достаточно изящными, уходя вершинами высоко в небо. Колонны были вытесаны из цельных кристаллов, и казалось невероятным, что такие махины еще не рухнули под собственной тяжестью. Горстка людей у подножия высокой лестницы казалась не более чем кучкой муравьев. Всеволод, глядя на ввинчивающиеся в небо шпили, даже почувствовал, что у него закружилась голова.

— Прошу сюда, — смотрительница первой поднялась по ступеням.

За ней, шелестя длинными юбками, последовали подруги. Всеволод и Третий оглянулись на Кима, который явно пытался немного отстать, лишь бы не идти рядом с друзьями. Тяжело вздохнув, фиксианец повернулся обратно и понуро побрел вслед за их провожатыми. Первый же решил сразу расставить все по местам и, напротив, решительно направился к другу.

— Тебе нравится над ним издеваться? — Всеволод остановился перед Кимом, сложив руки на груди и сердито сверкая глазами. — Какая муха тебя укусила с утра пораньше?

— В смысле? — Второй поднял взгляд на друга, непонимающе моргая.

— В прямом, Ким! Ты что-то наговорил Третьему, он теперь сам не свой ходит, чувством вины изводится. Только что мне говорил, что вообще жалеет, что мы нашли его. Лучше б, мол, он там тихо умер, и никому теперь плохо не было бы. А ты еще и масла в огонь подливаешь своим негласным бойкотом. Какого черта, я тебя спрашиваю?!

— Третий так сказал? — возмущенно вскинулся марсианин. — Он что, серьезно считает, что мы зря его нашли?!

— Нет, елки-палки, я шутки шутить вздумал! Seriously! Ты что, до сих пор не понял, что собой представляют фиксианцы? Да они на себя вину целого мира взять готовы, лишь бы никому плохо не было, а тут лучший друг ходит с кислой миной и все время извиняется. Конечно, он готов исчезнуть, лишь бы тебя таким не видеть. Иди быстро и извинись!

— Понял, понял, не кипятись, — Ким успокаивающе поднял руки. — Конечно, ты прав. Я действительно сам не свой в последнее время, и Третий не должен страдать из-за моих заморочек. Я обязательно извинюсь.

— Иди прямо сейчас, — хмуро потребовал Всеволод. — Я не могу нормально наслаждаться экскурсией, когда на меня смотрят эти грустные глазищи. Просто плакать хочется от такого зрелища. И, нет, я не иронизирую.

— Уговорил, — впервые за утро Ким чуть улыбнулся. — Дай мне пять минут.

Он легко взбежал по ступеням, вслед за уже зашедшими в храм смотрительницами и Третьим. Первый проводил его чуть посветлевшим взглядом, и только направился следом, как земля под ногами вздрогнула, и пространство наполнил жуткий гул.

"Землетрясение", — промелькнула паническая мысль, но пространство сотрясалось буквально несколько секунд. Все закончилось так быстро, что у Всеволода появилось

нехорошее подозрение, не галлюцинации ли у него. Громкий вскрик, донесшийся из храма, подсказал, что нет.

Буквально взлетев по ступеням, он застыл в дверях, окидывая взглядом огромный зал, в котором застыл ошарашенный Третий, потемневшими глазами глядящий прямо перед собой, и смотрительницы, сбившиеся в кучку позади него.

Кима нигде не было.

— Нам нужно идти искать его! — Первый никак не мог остановиться, и нарезал большие круги по залу. — А вдруг он здесь заблудится?

— Здесь нет потайных ходов, а все комнаты мы знаем наперечет, — в сотый раз устало повторила Кайлин. — Нет нужды беспокоиться.

— А вдруг ему там станет плохо? — не успокаивался Всеволод.

— Полдня в медицинском блоке, и любая болезнь истает.

— А вдруг он захочет есть или пить?

— В каждом зале до сих пор работают фонтаны с чистой водой. А без еды полдня можно и потерпеть.

Первый недоверчиво посмотрел на работающий фонтан в виде цветка, расположенный в центре зала, но от своего беспокойства не отступил.

— А вдруг он попадет в какую-нибудь древнюю ловушку? Что если этот храм специально заманивает сюда любопытных, и...

Раздался быстрый перестук каблучков, и маленькая ручка Нирхеи закатила бравому капитану неслабую оплеуху. Голова Всеволода мотнулась в сторону и на щеке начало медленно расцветать алое пятно.

— Успокойся! — рявкнула всегда тихая и уравновешенная смотрительница. — Эти храмы были построены расой, которая никогда не опускалась до таких подлых вещей! Балан — живая планета, он не допускает насилия. И если колесо повернулось именно в тот момент, когда капитан Ким был в его пределах, значит так надо. Значит, есть что-то, что планета хочет ему показать там, в недрах храма. Через несколько часов, самое большее — к вечеру мы все равно с ним столкнемся. Так что прекрати истерить!

Первый накрыл горящую огнем щеку рукой, пораженно глядя на смотрительницу. Нирхея смотрела на него снизу вверх, но капитан невольно испытал чувство, будто он — провинившийся школьник, стоящий перед строгой учительницей. Похоже, то, что он сказал очень сильно задело и разозлило ее, раз из тихой и спокойной девушки она превратилась в яростно сверкающую глазами фурию.

— Прости, — тихо проговорил он, все еще не отойдя от удара.

Нирхея фыркнула и резко развернулась, сердито взмахнув ушами.

— Постарайтесь не терять нас из виду, — бросила она через плечо. — Храмовое колесо опоясывает здание по краю, так что кроме как возле выходов вы на него не наткнетесь, но есть шанс заблудиться в переплетениях комнат. Если что-то будет интересно — спрашивайте. В остальном, можете рассматривать все, что покажется вам интересным.

— Я облажался, да? — спросил Всеволод у подошедшего Третьего. — Ляпнул что-то такое, что в принципе нельзя было говорить. Оскорбил существ, которые спасли нам жизнь. Я — идиот.

— Все в порядке, — фиксианца явно тянуло улыбнуться, но он сдерживался. — Просто у вас с ними разное восприятие. Для вас ловушки в древних сооружениях —

нормально, но для них подозрение в чем-то таком, особенно если Балан и вправду живая планета — это действительно хуже пощечины.

Первый пристально посмотрел на друга.

— А у вас? — внезапно спросил он. — Ваше восприятие ближе к нашему или к..?

Он молча кивнул головой в сторону двинувшихся вперед смотрительниц.

Фиксианец слегка виновато улыбнулся.

— Ясно, — Всеволод отнял руку от покрасневшей щеки. — Что ж, тогда пойдем, воспользуемся шансом и на все здесь поглазеем. И надеюсь, Ким скоро вынырнет из какого-нибудь коридора.

— Я тоже на это надеюсь, — искренне улыбнулся Третий.

Когда пол под ним содрогнулся и быстро поплыл в сторону, Ким не устоял на ногах и ошутимо впечатался виском в холодный мрамор. Несколько секунд все вокруг содрогалось, стоял жуткий гул, а потом наступила тишина.

Держась рукой за ушибленную голову, Второй осторожно поднялся на ноги и понял, что находится совсем не в том помещении, где был минуту назад. Вместо холодного светлого зала с исполинскими колоннами вокруг были стены приятного песочного цвета. Куполообразный потолок не уходил вверх на недостижимую высоту, из арочных окон лился солнечный свет, и местами в них проросло то же растение, что он увидел, впервые открыв на Балане глаза. Пошарив руками по стенам и на пробу позвав друзей, Ким понял, что вряд ли они услышат его отсюда. Очевидно, он попал в какую-то вращающуюся часть храма. Не редкость в древних постройках подобного типа. Значит, выход придется искать самостоятельно.

Осмотревшись, капитан нашел три двери, что вели из этого зала. Одна из них выходила в зал, напоминающий тот, что был у входа. Холодные белые стены, высокие колонны. По логике вещей именно она могла вывести его к входу, но, немного поколебавшись, Ким закрыл ее. В конце концов, он всегда может вернуться. И раз уж его занесло в какую-то далекую часть храма, то почему бы не исследовать ее более детально? Со все возрастающим азартом. Второй осмотрел две другие двери. Следующая выводила в еще более маленький зал и была тупиковой, зато третья открывала длинный коридор, по одну сторону которого шел ряд все тех же арочных окон, из которых лился солнечный свет. С радостью мальчишки, который нашел недоступный никому лаз, Ким нырнул в этот коридор и медленно пошел вперед, внимательно осматривая каждую приглянувшуюся деталь.

Здесь было очень тепло. Несмотря на то, что обычно в помещениях таких размеров всегда царит прохлада, благодаря многочисленным окнам солнечные лучи щедро разливали летнее тепло, и в косых лучах, падающих на пол и стены, танцевали мириады пылинок. Пахло пылью, солнцем и почему-то земляникой. Некоторое время капитан недоумевал, откуда здесь этот приятный запах, пока не впечатался носом в пышный бледно-розовый цветок, который распустился на одной из зеленых лиан, в изобилии расплзшихся по стенам. Крупный лепесток оторвался и упал на подставленную ладонь и, поднеся его к лицу, Второй долго стоял неподвижно, наслаждаясь прекрасным ароматом. Всеволод и Третий всегда удивлялись его восприимчивости к запахам и краскам. Иногда по-доброму шутили над привычкой безоглядно совать нос в любой цветок. К счастью, друзья понимали, что для любого марсианина с его однообразными красно-серыми пейзажами природа Земли или Фикса, или любой другой планеты,

богатой на флору — настоящее потрясение. Только им Ким доверил когда-то, что свой корабль назвал "Синей чайкой" из-за детских воспоминаний, когда ему довелось побывать на одном из земных морей. Синяя гладь, простирающаяся до горизонта и белые чайки, реющие в небе так потрясли маленького марсианина, что спустя годы он увековечил эту память, вложив в постройку корабля всю душу и не пожалев килограммы сапфиров, чтобы выложить из них на борту силуэт своей любимой птицы. Ему часто говорили, что такого красивого корабля, как у него, не видели нигде. А он при этом всегда вспоминал берег моря и думал, что видел и кое-что более потрясающее и что те, кто имеет возможность любоваться такой красотой всегда, просто не понимают, как им повезло.

Стены коридора были расписаны все теми же письменами, что и потолок в здании, отведенном под медблок. Второй с интересом рассматривал красивую вязь, пытаясь представить, что за народ жил здесь раньше. Смотрительницы говорили, что Балан — не их родная планета, и что народ, который когда-то населял его, почти исчез, смешавшись с другими расами. Кто бы ни жил здесь, очевидно, они были очень добрыми существами. Это сквозило в каждой линии здешних зданий, в зелени вековых лесов. Не может быть, чтобы такая красивая планета породила кого-то наподобие крокрысов или даже сухих и строгих марсиан. Скорее, они были похожи на фиксианцев. Или землян... Нет, скорее все-таки на фиксианцев.

Коридор закончился, и Ким уперся в небольшую дверь, приоткрытую, но немного покосившуюся от времени и оттого плотно упирающуюся в пол. Пришлось несколько раз с силой ударить ее плечом, чтобы открыть. Дверь вывела капитана в еще один зал, похожий на предыдущий. Вдоль стен шли полки, похожие на книжные, но ныне абсолютно пустующие, а в середине с тихим журчанием работал красивый фонтан, по центру которого возвышалась раскрывшая крылья птица. Вода вытекала из ее вскинутаго вверх клюва, и Второй с удовольствием напился и умыл лицо и руки — все-таки пыли в храме было более чем достаточно. В чистой воде отражался потолок, покрытый росписью и Ким вскинул голову, пытаясь получше рассмотреть рисунок. Через минуту сердце сорвалось в сумасшедший галоп. Несмотря на только что выпитую воду, в горле пересохло, пока он жадными глазами скользил по линиям древних изображений и крутился на месте, пытаясь охватить взглядом сразу всю картину. Еще раз окинул взглядом зал, стараясь как можно точнее его запомнить и, сломя голову, бросился обратно в коридор — назад, к двери, которая должна была вывести его ко входу.

— А на чем они хранили данные? — поинтересовался Всеволод, рассматривая помещение, бывшее когда-то главным читальным залом. — Эти шкафы очень напоминают обычные книжные.

— На специальных кристаллах, — ответила Ализис, которая добровольно вызвалась быть ему гидом по храмовым комнатам. — Информация считывалась напрямую с кристалла путем простого наложения на него ладоней.

— Ого, — удивился Первый. — Баланцы тоже были телепатами?

— Не совсем, — улыбнулась смотрительница. — У них были свои особенности, одинаково далекие и от вашего восприятия, и от нашего.

— А подробнее? — Всеволод с любопытством взглянул на свою собеседницу.

— Ну, они были где-то посередине. Тип ваших рас взаимодействует с материальными уровнями Вселенной. Наш — с энергоинформационными. А баланцы настолько тонко

чувствовали свою и чужую нервную систему, что для них было плевым делом управлять любыми нервными процессами, происходящими в организме. Управлять, регулировать, изменять. Передавать мысли на расстоянии они не могли, но провести любую операцию на нейронах без прямого хирургического вмешательства — запросто.

Всеволод уставился на Ализис, словно только что услышал мировое откровение.

— Интересно, — медленно проговорил он, лихорадочно обдумывая полученную информацию. — А эти... баланцы. Они еще остались где-нибудь в галактике?

Ализис не успела ответить, её перебил внезапно возникший из одного из коридоров Ким.

— Сева!! — вопль Второго, многократно отраженный от стен, загрохотал набатом. — Сева, ты должен пойти со мной!!

— И тебе здравствуй, мы тоже за тебя волновались, — скептически отозвался Первый. — Что стряслось? Куда тебя занесло?

— Ким! — Третий выглянул из соседнего зала. — С тобой все в порядке? Где ты был?

— Все хорошо, — потряс головой Второй которого, судя по всему, сжирала какая-то новость, которой ему не терпелось поделиться.

Последний раз фиксианец видел его в таком состоянии, когда передавал другу формулу галактия.

— Вы должны пойти со мной! Нирхея, и вы тоже. Без вас я все равно ничего там не пойму.

— Хорошо, — кивнула смотрительница, удивленно глядя на взъерошенного капитана.

— Вас удивило что-то, что вы нашли в храме, я правильно поняла?

— Да, — кивнул Ким, глаза которого лихорадочно блестели. — Скорее, прошу вас.

Обратным путем Второй чуть ли не бежал. Друзья еле успевали подстраиваться под его шаг, и Всеволод только тихо удивлялся, как маленькие смотрительницы в своих длинных платьях умудряются не отставать от них.

— Здесь, — Ким буквально ввалился в зал с фонтаном в виде птицы. — Нирхея, прошу вас, объясните мне, что хотел изобразить автор этих росписей.

С этими словами капитан ткнул пальцем в потолок и все присутствующие подняли головы, рассматривая сложную композицию из десятков действующих лиц.

В самом ее центре была изображена фиксианская женщина. Она сидела на чем-то вроде трона, сложив на коленях все шесть рук, опустив голову и прикрыв большие темно-синие глаза. Возможно, это была лишь игра воображения, но Первому показалось, что автор хотел передать в ее образе некую обреченность. Слишком уж грустным было худое красивое лицо, слишком сильная тоска сквозила во всей ее позе. И слишком часто Всеволоду приходилось видеть теперь точно такое же выражение лица у Третьего. Он осторожно покосился на друга, пытаясь понять его реакцию, но фиксианец стоял, запрокинув голову и молча изучал рисунок.

Вокруг женщины полукругом стояли обычные люди, по виду ничем не отличающиеся от землян или марсиан. Все они держали в руках то ли кинжалы, то ли мечи, которые были направлены на... Первый едва не поперхнулся, увидев крокрысов. Автор очень точно передал схожесть этой расы с тараканами — они буквально полчищами перли на фиксианку и ее... защитников? В глазах родичей Крыса было непомерное вождение. Всеволод почувствовал, как к горлу невольно подкатила тошнота. Неужели и Третьему когда-то пришлось выдерживать такой взгляд? Проще удавиться, наверное.

Ниже, под этой сценой, была изображена другая. Поле боя, на котором все крокрысы лежат изрубленными в куски. Поверх груды тел были брошены несколько длинных мечей. Наверное, тех самых, что держали в руках люди, окружавшие фиксианку. Еще ниже один

из защитников сидел у ног этой женщины и держал в сложенных лодочкой ладонях какой-то светящийся шар. На этой сцене лицо у нее было уже не грустным, а умиротворенным и спокойным.

— Ничего не понимаю, — честно признался Всеволод, оторвавшись от разглядывания рисунков и опустив голову. — Это сцена из какой-то легенды? И почему на ней... — он махнул рукой в сторону женщины на троне, — фиксианцы? Разве в вашей галактике есть похожая раса?

Нирхея шумно вздохнула и, прошелестев юбкой, прошла мимо друзей к фонтану. Опустилась на бортик, и устало потерла переносицу. Большие уши понуро опустились.

— Мы не хотели, чтобы вы это видели, — честно призналась она спустя минуту. — Это достаточно темное пятно нашей истории и лишний раз вытаскивать на поверхность эти воспоминания, тем более перед гостями из такой светлой галактики, как ваш Млечный Путь...

— Пожалуйста, — с нажимом попросил Ким. — Нам важно знать.

Он бросил короткий взгляд на Третьего и тот еле заметно кивнул.

— Возможно, это сможет помочь нам в одной нашей... проблеме.

Смотрительница подняла голову и в упор взглянула на Третьего. У Второго в груди все оборвалось, когда он понял, что для этой странной женщины их тайна видна, как на ладони. К счастью, она ничего не стала комментировать и лишь кивнула каким-то своим мыслям.

— Ладно. Только придется сделать короткий экскурс в более раннюю историю нашей галактики. Иначе не все будет понятно.

— Конечно, — согласно закивал марсианин.

Остальные смотрительницы тоже уселись на бортик и стали похожи на стайку разноцветных птичек. Нирхея собралась с мыслями и неторопливо заговорила.

— Прежде всего, хочу предупредить, что наша галактика развивалась по совершенно иному пути, чем ваша. В первую очередь потому, что у нас как бы две галактики, которые вращаются вплотную друг к другу. И в одной из них развитие планет изначально шло ударными темпами. Быстрее всех в космос вышла планета с очень жестким имперским строем. Изначально ее обитатели начали осваивать собственную звездную систему лишь для добычи полезных ископаемых на соседних планетах. Необитаемых, как они тогда думали. Но внезапно выяснилось, что в своей системе они очень даже не одни, да и в целом в галактике полным-полно разумной жизни, которая просто пока не доросла до космических полетов. Естественно, упустить такой шанс та планета не могла. Путем достаточно жесткого подавления любого сопротивления империя стала расползаться с одной планеты на другую, и, в конце концов, охватила всю галактику. Жить под ее контролем было тяжело, но не невозможно и, в принципе, восстания и войны случались не так часто, как можно предположить. Так продолжалось достаточно долгое время, пока Империя не замахнулась на свою соседку.

Нирхея замолчала и несколько долгих секунд сидела, глядя перед собой остановившимся взглядом и нервно сминая в пальцах край рукава.

— В соседней галактике обитаемых планет было больше, но развивались они медленнее, — с трудом заговорила она. — Империя, которой уже не хватало сил справляться со всеми завоеванными землями, решила теперь отбирать только самые лучшие, которые могут что-либо дать ее процветанию. Полезные ископаемые, уникальные особенности жителей, еще что-нибудь. А тех, кому выносили приговор "бесполезен", просто уничтожали.

— Как? — тихо спросил Ким. — Целыми планетами?

Смотрительница взглянула на него большими глазами и кивнула.

— Да. Просто выжигали с орбиты всю жизнь.

Под шокированными взглядами капитанов уши Нирхеи опустились так низко, что почти прижались к шее. Её подруги тоже поникли. Какое-то время смотрительница молча изучала пол, болтая не достающими до него ногами, а потом через силу продолжила.

— У главной планеты, верхушки империи была лишь одна слабость — её планета-близнец, Искандар. Искандарианцы были для них кем-то вроде объекта поклонения. Они не вмешивались в имперские кампании, жили тихо и замкнуто на своей планете и выглядели так, — Нирхея подняла руку и, не глядя, ткнула в сторону изображения фиксианской женщины.

Всеволод и Ким в шоке взглянули на Третьего. Тот выглядел так, словно его только что приложили чем-то тяжелым. Смотрительница опустила руку и продолжила, по-прежнему глядя в пол.

— Искандар вмешался лишь однажды, когда очередной планете с богатейшей фауной был вынесен приговор "бесполезна". Они выпросили для нее помилование и взяли под свою опеку. Стали ей кем-то наподобие родителей, которые внимательно следят за развитием своего чада. Планета была на средневековом уровне, но под чутким руководством искандарианцев быстро вымахала в довольно развитую цивилизацию. И тут выяснилось, что у жителей этой планеты есть уникальные способности к работе с нейронами, и что они были вовсе не такими бесполезными, как посчитала имперская верхушка. Естественно, своих спасителей они боготворили и готовы были ради них на все.

— Погоди, — Всеволод в шоке уставился на Ализис. — Ты ведь сегодня говорила, что напрямую с нейронами могли работать...

— Баланцы? — грустно усмехнулась Ализис. — Да, это они и были. И на рисунке тоже они.

Смотрительница кивнула на изображения людей с мечами.

— А что было дальше? — тихо поторопил Нирхею Третий, глаза которого буквально сверлили рассказчицу.

— А дальше случилось "страшное", — криво усмехнулась она. — Планета-основательница доползла в своей эволюции до телепатии. И тут уже им стало не до удержания завоеванных земель. Новый уровень сознания, новые возможности, двойная ответственность за собственные мысли... Империя, которая и так уже трещала по швам, начала разваливаться на куски. И на арену выползли они.

В этот раз смотрительница указала на крокрысов.

— Для галактики наступило самое что ни на есть смутное время, и эти существа вовсю им воспользовались. У искандарианцев, при всех их достоинствах, было одно очень уязвимое место — они моногамны. И с первым же партнером устанавливают нерушимую связь нервных систем, сохраняя ее до конца жизни. "Жили долго и счастливо и умерли в один день" — это про них. Если умирает один партнер, умирает и второй. И обойти это невозможно. К сожалению, связь устанавливается, даже если контакт был насильственным или произошел с представителем другой расы. И, узнав об этой особенности, болерасцы, — Нирхея снова указала на крокрысов, — вовсю стали ею пользоваться. Несмотря на то, что империя как таковая уже не существовала, Искандар по-прежнему занимал одну из высших ниш в планетарной иерархии. И случаи, когда искандарианца брали в заложники и насиловали, тем самым создавая с ним связь, стали происходить все чаще. Таким образом, болерасцы, а порой и не только они,

гарантировали себе жизнь. Убить кого-то из них — значило погубить искандарианца. А убийство этих существ в галактике считалось чуть ли не кошунством. В итоге болерасцы творили что хотели, искандарианцы массово сводили счеты с жизнью, не выдерживая позора, а прочие жители галактики не знали, куда им бежать от творящегося вокруг кошмара. И тогда за дело взялись они.

Смотрительница вновь указала на потолок, на этот раз в сторону баланцев.

— Баланцы оказались единственными, кто на свой страх и риск решил попробовать разорвать нерушимую искандарианскую связь. Хотя это и считалось абсолютно невозможным, но благодаря их врожденным способностям чувствовать нервную систему, у них это получилось. Конечно, искандарианец с вырванной важнейшей частью себя становился в некотором роде калеккой, но это было лучше, чем убивать себя или жить с насильно навязанным партнером. Мстя за горячо любимых покровителей, баланцы открыли на болерасцев настоящую охоту и через несколько десятилетий практически истребили эту расу. Остальные тоже притихли, поняв, что в галактике появилась новая, очень безжалостная сила. В назидание другим народам, баланцы убивали врагов настолько жестко, что связываться с ними не захотел никто. Искандар занял высшую ступень в бывшей Империи и многие думали, что под их руководством планеты наконец-то заживут нормально. Собственно, именно эти этапы здесь и изображены.

Все присутствующие вновь подняли головы, рассматривая красочный потолок.

— Первая сцена — это время, когда на искандарианцев была открыта охота. Вторая — когда баланцы мстили за оскорбление покровителей. И третья — мир, который установился после их победы. Баланец у ног искандарианки держит в руках именно ее сознание. Видимо, так автор хотел показать, что они стали защитниками этих существ.

Нирхея замолчала и некоторое время в зале царила тишина. Смотрительницы молча рассматривали привычные им рисунки, капитаны переваривали полученную информацию.

Ким взглянул на Третьего. Фиксианец стоял, глубоко о чем-то задумавшись, а потом внезапно спросил:

— А что случилось потом? Бывшей Империей стал править Искандар?

— Если бы, — печально улыбнулась Нирхея. — Под их руководством галактика гораздо быстрее бы восстановилась. Но искандарианцы решили, видимо, что с них хватит. Построили баланские врата переброски и огромным флотом отбыли куда-то в неизвестном направлении. Большинство баланцев последовали за ними. А мы остались расхлебывать то, что успели натворить за время существования империи.

Всеволод снова поднял голову, и некоторое время внимательно рассматривал последний рисунок, где баланец держал в руках сияющий шар.

— Они похожи на марсиан, — наконец сказал он.

— Что? — встрепнулся Ким, на которого рассказ произвел такое впечатление, что он чувствовал себя пришибленным.

— Баланцы, — пояснил Всеволод, опустив голову и взглянув на друга. — Я сперва решил, что они почти идентичны нам, землянам. Но посмотри на их ширину плеч и грудной клетки. Это скорее ваш аналог, чем наш.

Ким внимательно взглянул на последний рисунок.

— Пожалуй, ты прав, — согласился он, а затем перевел взгляд на смотрительниц. — Нирхея, а баланцы еще остались в вашей галактике?

— Да, — пожала плечами смотрительница. — В основном, конечно, смешались с другими расами, но несколько древних династий еще сохраняют чистоту крови.

— А можно нам встретиться с кем-нибудь из них? — Всеволод даже вперед подался, с надеждой глядя на нее. — Пожалуйста, это очень важно!

— Да запросто, — снова пожала она плечами. — Если хотите, я сегодня же вечером отправлю сообщение и попрошу кого-нибудь из них о встрече. Думаю, они примчатся сразу же, как только узнают, что у нас в гостях искандарианец.

— Я фиксианец, — недовольно подал голос Третий.

— Какая разница, как называть, — улыбнулась Нирхея. — А теперь пойдёмте обратно. Скоро стемнеет и мне нужно успеть отправить сообщение до того, как там все лягут спать.

— Нирхея, всего два вопроса, — задумчиво сказал Третий, глядя в спину смотрительнице, которая уже дошла до дверей.

— Я слушаю, — она полуобернулась к капитану, вопросительно взмахнув ушами.

— Баланские ворота — это те ворота, через которые нас выбросило сюда?

— Да, — спокойно ответила она.

— И второе. Почему вы живёте здесь, если Балан не является вашей родиной?

— Искупаем вину, — глухо ответила Нирхея.

— Вину? — недоумевающе спросил Ким, встав рядом с Третьим. — Какую вину?

Смотрительница вздохнула и обернулась к капитанам.

— Наша пятерка — последние чистокровные представители очень древнего народа.

Остальные давным-давно смешались с другими расами. После нашей смерти прямых потомков не останется.

— И за что вы себя так наказываете? — недоумевающе спросил Всеволод, а в фиалковых глазах фиксианца зародилось понимание.

— Планета, которая основала Империю, в итоге открыла в себе телепатические способности, — напомнила она капитанам собственные слова. — И мы — единственный на всю галактику народ, который имеет такие способности. Теперь понятно?

И, больше не говоря ни слова, смотрительницы вышли из зала, оставив изумленных друзей молча переваривать полученную информацию.

Часть 6

Искры от костра взлетали в ночное небо и терялись на фоне тысяч незнакомых звезд. Ким стоял, уперевшись руками о какое-то невысокое заграждение и, запрокинув голову, наблюдал за мерцающими точками. Немалая их часть была в постоянном движении — это прокладывали себе путь сквозь пространство бесчисленные корабли.

Третий стоял рядом, прислонившись спиной к стволу дерева и сложив руки на груди. Фиксианец тоже неотрывно смотрел на полное жизни небо. В пределах Млечного Пути такого не увидишь — там космос обычно гораздо более спокойный.

— Честно скажу, чувствую себя выходцем из средневековой эры, — заметил Второй, не отрывая взгляда от ломаных узоров чужих созвездий.

Третий опустил голову и взглянул на друга.

— Почему?

— А ты посмотри на это, — кивком головы Ким указал на небо. — Только всмотришься, сколько их там! Как будто флипы в пределах города. Как думаешь, если мы освоим галактик, у нас тоже так будет?

— Хотелось бы верить, — фиксианец чуть улыбнулся, откидывая голову на ствол дерева и вновь устремляя взгляд вверх.

Немного помолчав, он добавил:

— Наверное, один из них тот, который мы ждем.

— Надеюсь, — дрогнувшим голосом признался Ким, и на некоторое время вновь воцарилось молчание, лишь долетал треск костра и негромкий разговор, который уже несколько часов вели смотрительницы и Первый капитан.

Всеволод вцепился в надежду, что Третьему смогут помочь, как в спасательный круг, и теперь хотел знать о баланцах и их культуре все до мельчайших подробностей.

Фиксианец восторгов друзей не разделял, лишь сдержанно сказал, что будет рад, если что-то получится, и ушел от костра. Ровно через пять минут Ким не выдержал и последовал за ним, твердо решив узнать, в чем причина такой отстраненности.

— Может, ты все-таки объяснишь, в чем дело? — наконец, решился спросить Второй, отрывая взгляд от звезд, и переводя его на друга.

Третий низко опустил голову, и в темноте, изредка освещаемой отблесками костра, его глаза казались чем-то жутковатым.

— Мне казалось, ты должен обрадоваться известию о том, что хоть что-то способно тебе помочь. Но сейчас у меня складывается впечатление, что ты не то что не рад — наоборот, недоволен новостью. Я не прав? Или есть какие-то причины, о которых мы не знаем? Тогда лучше разобраться с ними сейчас, чтоб потом не было поздно.

Третий протяжно выдохнул, и Ким внутренне напрягся. Что еще? Опять какие-то тайны, о которых они с Севой, как самые знатные олухи, всегда узнают последними?

— Я рад, — честно признался фиксианец. — Правда. Просто... Ты же слышал рассказ Нирхеи? Искандарианец, с вырванной важнейшей частью себя — это калека. И тут мы ничем от них не отличаемся, к сожалению.

— То есть, — Второй развернулся к другу всем корпусом. — Ты хочешь сказать, что даже если тебя и этого... если тебя лишат этой связи, то лучше тебе от этого не станет? А, может, даже еще хуже будет?

— Нет, нет, что ты! — Третий яростно замотал головой. — В любом случае будет лучше. Просто...

Фиксианец замялся, а потом честно признался:

— Просто я боюсь.

— Чего боишься?! — в шоке уставился на него Ким.

Третий вздохнул и, оттолкнувшись от дерева спиной, присел на то самое заграждение, о которое опирался Второй.

— Понимаешь, — заговорил он, тщательно подбирая слова. — Наша раса, немного не так мыслит, как ваша.

— Ну, каждая раса имеет какие-то свои особенности, — пожал плечами Второй. — Я прекрасно знаю, что вы считаетесь очень гуманным народом и никогда не развязывали войн.

— Именно, — прикрыл глаза Третий. — А почему так происходит тебе известно? Ким даже растерялся.

— А разве доброта должна иметь какие-то причины? — недоумевающе спросил он. — Просто фиксианцы хорошие, и все. Это что-то вроде аксиомы.

Третий тихо усмехнулся.

— Ну конечно, — иронично сказал он. — Возможно, так это выглядит со стороны, но на самом деле причины у этой гуманности есть, и они вполне объяснимые. Просто мы — раса эмпатов, и причинять кому-то боль для нас то же самое, что причинять ее себе. По крайней мере, если это касается других фиксианцев.

— Так, погоди, — Ким сжал пальцами переносицу. — То есть, ты хочешь сказать, что вы чувствуете эмоции других существ? Любых?

— Нет, — покачал головой фиксианец. — Мы чувствуем только эмоции друг друга. А если точнее, то вся наша раса как бы связана общей сетью...

Третий со вздохом запустил пальцы в волосы.

— Не знаю, какие слова можно подобрать, чтобы точнее все объяснить. Ну вот, у вас сознание каждого человека принадлежит только ему. То есть, рядом ли другие люди, или нет — вы их не ощущаете, пока не вступите с ними в контакт. Каждый человек у вас — индивид. А у нас вся планета это одновременно и отдельные личности, и в то же время мы ощущаем друг друга как единое целое. Как будто в голове одновременно два центра работают. Один — это ты, твоя личность, а второй — это что-то, что я не смогу объяснить обычными словами. Это нужно просто почувствовать.

Третий поднял на друга беспомощные глаза.

— Ну, самым близким аналогом будет, пожалуй, посещение какого-нибудь матча, или когда много людей одновременно заняты каким-либо общим делом. То ощущение единства, которое там возникает. Вот мы, по отношению к своим соотечественникам, его ощущаем постоянно, — фиксианец досадливо взмахнул одной из рук. — Хоть немного понятно?

— Даже не немного, — задумчиво сказал Ким, глядя на друга так, как будто увидел его впервые в жизни. — Правда, до сих пор непонятно, почему тебя так пугает перспектива разрыва навязанной связи.

— А вот тут кроется самое неприятное, — Третий встал, и, оперевшись руками о перила точно так же как Ким десять минут назад, устремил взгляд в небо. — Эта общая связь ощущается достаточно слабо. Просто как фон. А мы по натуре такие, что нам необходимо постоянное ментальное единство. Поэтому каждый фиксианец ищет себе пару. Ментальную пару. У нас нет влечения, связанного с выбросом гормонов, как у вас. Гормональное влечение может возникнуть, но только если мужчина и женщина, их сознания, грубо говоря, работают на одной частоте. Найти свою половинку — высшее счастье. И не каждому, кстати, с этим везет. Но если повезло, то возможны два варианта. Если партнер противоположного пола, то образуется обычная семья со свадьбой, детьми и совместным бытом. Слияние сознаний возникает во время первого

полового контакта и больше не разрывается.

Третий замолчал. Ким тоже не торопился что-либо спрашивать. Он внимательно обдумывал услышанное.

— Есть и второй вариант, — через силу продолжил фиксианец. — Потенциальный партнер вполне может оказаться того же пола, что и ты. В такой ситуации образуется только ментальная связь. В интимные отношения мы при этом не вступаем. Более того, семья, основанная только на ментальном единстве, считается более... возвышенной, что ли. Это чистое единение сознаний, и встречается оно довольно редко. И...

Третий на секунду прикрыл глаза, глотнул, и с трудом продолжил:

— ... и вступить в сексуальную связь с таким партнером — это что-то настолько дикое, как... ну, может, как для большинства рас — вступить в связь с ребенком.

Ким замер, словно громом пораженный. Они-то с Севой полагали, что Третьему просто отвратителен тот факт, что его телом воспользовался кто-то вроде Крыса. А тут, оказывается, проблема гораздо глубже.

— В любом случае, — голос Третьего задрожал, и Второй понял, что друг или плачет, или на грани того, но к счастью, было темно, и потому он сделал вид, что ничего не замечает, хватит бить по гордости фиксианца, и без того искалеченной. — В любом случае, когда находится партнер, то ощущение общности с планетой пропадает навсегда. Ментальное единение с партнером настолько сильное, что оно перекрывает все другие связи. Ты пойми..

Третий тихо всхлипнул и быстро вытер глаза, Ким опять тактично сделал вид, что ничего не видел.

— Фиксианцы природой не созданы, чтоб ощущать ментальное одиночество. Даже если они не встретят свою судьбу, то полного одиночества не будет. Я даже когда в другую галактику курс держал, не чувствовал себя в полной изоляции. А потом... этот. Связь с планетой прервана, и взамен я получил не равноценную связь, а ощущение, что связан с пустотой, которая только силы из меня вытягивает. Я ведь постоянно ощущаю его сознание, Ким. Не мысли, конечно, читаю, а эмоции, но и этого достаточно. Искалеченная и уродливая психика убийцы и садиста, которому нравится смотреть на мучения других. Это самый настоящий кошмар, и он не прекращается ни на секунду. Но когда... если обрубят и эту связь, я останусь в полной изоляции. И я честно не знаю, что хуже. Для нас остаться без эмпатии — это как для вас оказаться одновременно ослепленным, оглушенным и немым. Да еще и со связанными руками. А у меня это вызывает только одну ассоциацию — с тем подземельем, где я был абсолютно беспомощным. Я не хочу туда возвращаться, пусть даже это будет только у меня в голове! Я просто боюсь повторения...

Третий резко замолчал, зажав себе рот ладонью. Плечи его вздрагивали, и Ким больше не мог делать вид, будто ничего не замечает. Он шагнул к другу и буквально сгреб его в охапку. Если бы таким образом можно было бы защитить его от того ужаса, что творился в его голове! Второй вспомнил все те сны, что видел в последние две недели, и ему просто стало плохо.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — тихо сказал Ким, обнимая вздрагивающие плечи фиксианца. — Но ты должен помнить, что мы никогда не бросим тебя одного. Теперь — никогда.

Они еще долго простояли так, вцепившись друг в друга и пытаясь найти в этом хоть какое-то подобие защищенности, и Ким поклялся про себя, что больше никогда не даст другу страдать.

Утром Третьему стало плохо. Он был абсолютно белым, двигался с трудом и его постоянно тошнило. Когда Ким попытался отправить его в медблок, фиксианец покачал головой и безапелляционно заявил, что медицина тут ничем не поможет. С каждым часом состояние капитана ухудшалось, его без остановки трясло, и он был холодным как лед. Первый все утро пропадал на космодроме, и Ким сидел рядом с постелью больного друга, ощущая полнейшее бессилие. Часа через три после начала приступа, Третий, которого колотило как в лихорадке, с трудом выговорил:

— Лекарства ничем не помогут. Это из-за связи... Тут никто ничем не поможет.

— Что-то случилось с этим подонком?! — вскинулся Ким, в глазах которого промелькнула настоящая паника. — Крыс ранен? Умирает?!

— Нет, с ним все в порядке, — Третий изо всех сил сжал челюсти, чтобы зубы не выстукивали чечетку. — Ким, он опять кого-то пытается. Я чувствую, как он сходит с ума от удовольствия, но я больше не могу это выдерживать. Меня просто выламывает от того количества inferнальных образов, которые он на меня обрушивает. Еще немного, и я или сойду с ума, или впаду в кому, лишь бы всего этого не чувствовать. Пожалуйста, если кто-то из баланцев прилетит и будет в состоянии помочь, пусть делают все, что посчитают нужным. Лишь бы этот фильм ужасов у меня в голове прекратился. Обещаешь, что попросишь их за меня?

— Эй, не смей! — глаза Второго в ужасе расширились, при виде закатившихся зрачков друга. — Не смей отключаться! Они скоро будут здесь, и ты сам все им скажешь. Третий! Третий!!

Но фиксианец уже впал в забытие. Закатившиеся зрачки, открывающие огромные белки глаз и безвольно обвисшие руки выглядели настолько жутко, что Ким почувствовал приступ острейшей паники. Воздух комком застрял где-то в горле — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Несколько секунд он безмолвно хватал ртом воздух, как вытщенная на берег рыба, а потом развернулся и изо всех сил приложил себя головой об стену.

Подействовало! Боль уничтожила оцепенение, и Второй принялся действовать с присущей ему быстротой реакции. По словам Нирхеи, баланцы должны были прилететь вот-вот, значит, нужно быть ближе к космодрому. Если понадобится, он на коленях будет их умолять провести эту злосчастную операцию, хоть бы и в полевых условиях. Пережил же Третий реанимацию в подzemелье, выдержит и здесь. Ким подхватил друга на руки и, выскочив на улицу, помчался к космодрому, попутно радуясь, что фиксианцы такие легкие — едва ли вес земного подростка наберется. Побегал бы он так со Всеволодом на руках... Хотя, если бы прижало, побегал бы.

Корабль баланцев капитан увидел издали, и от души значительно отлегло. Спиралевидное нечто красиво серебрилось на солнце, и на доли секунды Второй невольно залюбовался изящным кораблем, привычно сравнивая его с "Чайкой". Нет, его девочка все равно красивее...

"О чем я думаю!" — Ким мысленно обложил себя трехэтажной лингвистической конструкцией, подлетая к группе встречающих, и едва не падая от усталости. Все-таки, космодром от жилого здания располагался совсем не близко.

— Что произошло?! — Всеволод кинулся к друзьям, смертельно побледнев при виде не подающего признаков жизни тела на руках у Кима.

Но марсианин не слышал Первого. Его взгляд был прикован к новому действующему лицу, которое, судя по всему, и прибыло на спиралевидном корабле.

Баланец... баланка была с него ростом и внешне ничем не отличалась от людей, выросших на Марсе. Те же широкие плечи, темные волосы, та же сухость лица и поджарость фигуры. Единственное, что выдавало в ней представительницу незнакомой расы, так это корабль за спиной. Гостья тоже не отрываясь смотрела на Второго. А если точнее, то на Третьего, которого он держал на руках. И, судя по всему, находилась в состоянии шока, благоговения и ужаса.

— Вы можете ему помочь? — без обиняков спросил Ким, делая к ней шаг, и кивком головы указывая на бессознательного друга.

Нирхея говорила, что вместе с приглашением отправит и всю информацию по их языку. Только бы эта гостья уже выучила его...

— Мне нужны все данные, — с сильным акцентом, но, тем не менее, на знакомом языке ответила баланка, с трудом отрывая взгляд от фиксианца и переводя его на Кима. — И медблок.

Последние слова были адресованы уже Нирхее. Та молча кивнула и, сняв с руки телепортатор, передала его гостье. То же самое сделала и Кайлин, только протянула прибор Киму. Тот на несколько секунд перехватил Третьего одной рукой, пока смотрительница защелкивала на его запястье браслет.

— До самого медблока вряд ли дотянет, но до жилого здания с легкостью.

— Эй, я с ним! — Всеволод осекся, глядя на то место, где только что стояли Ким и баланка.

— Мы пойдем пешком, — строго взглянула на него Нирхея. — Сейчас есть вопросы, которые они должны решить только втроем.

Первый безвольно опустил руки, которыми от отчаяния хотел вцепился себе в волосы. Он опустошенно смотрел на старшую смотрительницу.

— Вы знали, да? — глухо сказал он. — Причину, из-за которой мы просили о встрече с баланцами?

— Мы несем в себе память всех поколений, живших на нашей планете, — грустно ответила Нирхея. — А это значит, помним то, что видели наши предки сотни и тысячи лет назад. И Искандар был нашей планетой-близнецом. Так что да, я знаю, как выглядит искандарианец с искаленной психикой. Поэтому и попросила Трэю на всякий случай взять все необходимое для операции. Конечно, я не знала, что вашему другу так внезапно станет плохо, но решила подстраховаться.

Всеволод шумно выдохнул.

— Спасибо, — с благодарностью взглянул он на нее.

— Но нам все равно нужно идти, — беспокойно пошевелила ушами смотрительница. — Трэя — один из лучших нейрохирургов, но ей могут понадобиться ассистенты и...

Остальное Всеволод не дослушал, сорвавшись с места.

— Когда это началось? — оказавшись у жилого здания, Ким и баланка, не сговариваясь, рванули в сторону медблока.

— Сегодня утром, — задыхаясь, ответил Второй, чувствуя, что еще несколько минут, и даже его тренированный организм рухнет от усталости.

— Причину знаете?

— Третий сказал, что этот... что его партнер опять кого-то пытается, а он не может выдерживать такого напора ужаса и скоро сойдет с ума.

— Понятно, — баланка как-то странно фыркнула, то ли высказывая отвращение, то

ли просто пытаюсь отдышаться.

Впереди самым благословенным видением забрезжили белые двери медблока, и спустя несколько секунд они буквально ввалились в просторное помещение, пахнущее лекарствами.

Баланка сходу сбросила увесистый рюкзак, который до того болтался у нее на одном плече, и принялась спешно в нем рыться.

— Положите его на любую кушетку, — бросила она Киму, не отрываясь от своего занятий.

Второй спешно сгрузил друга на крайнюю койку, чувствуя, что руки у него онемели полностью, и противно дрожат.

— И рубашку с него снимите, — девушка, наконец, выудила из рюкзака какой-то странный широкий пояс, явно под завязку напичканный электроникой, и сноровисто помогла Киму высвободить все шесть рук Третьего из неподатливой ткани.

Затем просунула под лежащего фиксанца один конец того самого пояса, и защелкнула застежку. Странное приспособление тут же пошло цветными разводами и тихо—тихо, на грани слышимости, загудело.

— Что это? — недоверчиво спросил Ким, глядя на пояс, который сейчас больше всего напоминал меняющего цвета индикатора.

— Мы называем его заморозкой, — баланка устало вытерла взмокший лоб. — Он останавливает почти все функции организма на время операции. В основном используется в полевых условиях и в экстренных случаях, как вот сейчас. Потому что отходняк потом жуткий, на самом деле. Ваш друг сейчас находится почти в искусственной коме, так что никакие воздействия на психику не должны его затронуть. Пока. И у нас есть немного времени, чтобы поговорить. В целом ситуация мне ясна, можете не объяснять. Нирхея высказала предположение, да и мы наелись этого добра в свое время под завязку. Но некоторые детали все же уточнить нужно.

— Спрашивайте, — слегка растерянно кивнул Ким, которого не покидало ощущение, что все происходящее немного нереально. Он-то думал, что ему придется едва ли не на коленях уговаривать баланцев о помощи, а они мало того, что помчались по первому зову, так еще и в полной медицинской готовности. Разве так бывает?

— Когда произошло... — девушка замялась, — то самое? Сколько времени назад?

— Чуть больше четырех лет.

— Контакт был однократным, или повторялся несколько раз? Это важно, потому что именно от этого зависит сила привязок, которые придется разрывать.

Ким почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Он тяжело опустился на свободную кушетку. "Один раз", "несколько раз"... Как сосчитать все те разы, что Третьему пришлось пережить, пока он был в лапах у этой падали? И возможно ли будет вообще разорвать эту связь в таком случае?

— Я не знаю, — честно признался он, подняв взгляд на баланку. — Он пробыл в плену четыре года. И вряд ли получится сосчитать все разы, потому что... сами понимаете.

— Плохо, — девушка ссутулилась, напряженно о чем-то размышляя. — Я бы могла разорвать обычную привязку почти без последствий для психики... ну, кроме утраты эмпатического чувства, конечно. Но четырехлетнюю, регулярно закрепляющуюся... да еще и на фоне плена... Он просто сойдет с ума, если я это сделаю. Сознание слишком сильно привыкло, что у него есть партнер. Пусть он насильно навязанный, и жуткий, но, тем не менее, это партнер, на соединении с которым строится половина их мировоззрения. Выдернуть его, не дав ничего взамен — то же самое, что сдернуть с

места человека, стоящего на mine. Будет взрыв, и человек погибнет. В данном случае — сойдет с ума.

Ким почувствовал, что на плечи ему опустилась огромная глыба и прочно придавила к земле.

— И нет никаких шансов? — убито спросил он.

— Есть один, — баланка задумчиво прищурилась, обдумывая варианты. — У нас были похожие случаи. Всего несколько раз, но были. Если положить на мину груз, равный весу человека, то взрыва не будет. Так и здесь. Если взамен оторванного партнера тут же привязать другого, то последствий не будет. Более того, даже эмпатическое чувство сохранится. Но это практически невыполнимо.

— Почему?! — тут же вскинулся Ким, который не мог так просто расстаться с надеждой на спасение друга.

— Во-первых, сложность операции. Представьте, что вам предстоит разрубить два перепутанных клубка нитей, и потом к одному из них, точно в таком же запутанном порядке, привязать ниточки из постороннего клубка. Такая операция занимает не один день. Но в принципе, это наиболее выполнимое условие. Второе — это партнер, которого нужно найти взамен того, который будет отсечен. И вот тут мы в полном пролете. Я промолчу про психическую совместимость, потому что и это можно было бы обойти. Но искандарианцев в нашей галактике больше нет. Ни одного. И, соответственно, ни одной искандарианки. Нам негде искать того, кто смог бы стать "якорем" для его сознания. Простите.

Баланка понуро опустила голову, явно не меньше Кима расстроенная своим бессилием. Второй молча кусал губы, стараясь не заорать от отчаянья и обиды на мироздание. Столько пройти, добраться до абсолютно незнакомой галактики, пережить столько трудностей и споткнуться у самого финиша. Третий не заслужил такой судьбы. Только не он, со своими светлыми идеалами и непоколебимой верой в гуманное отношение к миру. Гуманное отношение... эмпатия... два типа ментальных партнеров... ментальная семья...

Капитан вскинул голову, пытаясь поймать за хвост еще не до конца оформившуюся мысль. Баланка заметила перемену в его настроении и вопросительно взглянула на него.

— А партнером обязательно должна была быть искандарианка? А искандарианец может?

— Да без разницы, — пожала плечами девушка. — Просто такой тип совместимости встречается гораздо реже, так что найти партнера было б еще сложнее.

— А представитель другой расы может им стать? — Ким, лихорадочно блестя глазами, смотрел на собеседницу. — Я подойду? Мы дружим уже не первый год, Третий мне во всем доверяет, как и я ему. Он для меня лучший друг, фактически как брат. У нас даже сны общие были!

— Что? — подалась вперед баланка. — Про сны подробнее можете рассказать?

Ким сбивчиво рассказал про события последних дней, про сны-видения, и на лице девушки впервые за разговор расцвела улыбка.

— Отлично! Это очень сильный признак совместимых сознаний. Да, вы вполне подойдете, вот только... — улыбка баланки угасла. — Вы ведь понимаете, что будете связаны с ним до смерти? И умрете тоже одновременно? А еще не сможете больше заводить отношений с женщинами... да и с мужчинами тоже. Конечно, вам и самому не захочется — ментальная связь перекроет все эти желания, но если вы планировали когда-то завести семью...

— Не планировал, — решительно заявил Ким. — Не беспокойтесь, я полностью отдаю

себе отчет в том, на что иду.

— Тогда... — баланка снова нырнула в недра своего рюкзака и, покопавшись, вытащила еще два пояса вроде того, что надела на Третьего, и какие-то устрашающие приспособления, напоминающие то ли перчатки из стальных прутьев, то ли соединенные между собой наперстки с тончайшими иглами на концах.

— Вам тоже нужно будет надеть заморозку. Потому что во время операции мне будет необходимо, чтобы вы лежали абсолютно неподвижно.

— А третий пояс для кого? — поинтересовался Ким, принимая из рук девушки странное устройство.

— Третий для меня, — она привычным движением защелкнула его на себе. — Мой настроен так, чтобы не выключать сознание, но отключать естественные функции организма. Потому что я не смогу ни на что отвлекаться в процессе оперирования. Так что корчиться по окончании будем втроем.

— Все настолько страшно? — улыбнулся Второй.

— Увидите, — ехидно отозвалась девушка — Только прежде чем отключиться, помогите мне сдвинуть рядом два операционных стола и тоже снимите рубашку — такая операция проводится в районе спинного мозга. Так что вашего друга нужно перевернуть на живот, и вам нужно будет лечь так же.

Ким послушно сделал все, что просила баланка, и когда уже собирался взобраться на стол, в медблок ворвался Всеволод.

— Ким! Ты как? Фу, я думал, не успею.

Первый привалился к дверному косяку, тяжело дыша и окидывая взглядом комнату.

— Нирхей сказала, вам может понадобится ассистент, — обратился он к баланке. — Если я подойду, то лишь скажите, что делать.

— Просто будьте рядом, — благодарно улыбнулась девушка. — Может, какой инструмент понадобится подать, или банально стакан воды принести. С помощником всегда не так страшно работать.

Всеволод кивнул, слегка удивленно поглядывая на инструменты в ее руках, а она вновь перевела взгляд на Кима.

— Давайте начинать. Мы и так заболтались.

Второй кивнул и лег животом на холодную поверхность стола.

— Получится все или нет, но для вас операция пролетит как одно мгновение, успокаивающе сказала она, защелкивая на нем застежку пояса. Ким успел почувствовать, что живот и спину охватила легкая прохлада, а потом сознание стремительно ухнуло вниз и погасло.

Море. Ласковое теплое море, которое с рокотом набегает на прибрежные камни и вновь отступает, оставляя после себя умытый берег. Синее небо, куполом раскинувшееся над бескрайней гладью воды, белые чайки, реющие так высоко, что кажутся лишь белыми черточками на лазурном холсте. И так тепло, так спокойно, так... безопасно? Причем тут безопасность? Однако же, именно чувство защищенности было главным, что он испытывал, глядя на раскинувшийся перед ним пейзаж. Странно...

Попытка один... попытка два... На третий раз Киму все же удалось поднять словно налитые свинцом веки. Он моргнул, проясняя зрение. Уже привычный потолок песочного цвета... Он у себя в комнате? Пахнет лекарствами... Значит, медблок. Что он здесь забыл? Ах, да, операция... Интересно, получилось?

Ким попробовал привстать, и тут его словно приложило чем-то большим и докрасна раскаленным. В голове взорвалась граната, а от желудка к горлу прокатился огненный клубок, и он едва-едва успел свеситься с кровати, прежде чем его вывернуло в заботливо подставленную кем-то емкость.

— Ни хрена себе, — тихо пробормотал Второй, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Впрочем, зря, потому что через минуту процесс повторился еще ровно четыре раза.

— Да какого... — вымученно простонал он, буквально сползая с операционного стола.

Почти ползком добрался до двери и, чувствуя, как внутри все скручивается, побрел в сторону ванной. Там сунул голову под кран с холодной водой и минут десять зависал, ни о чем не думая и просто наслаждаясь ощущениями. В мозгах была полнейшая каша.

— Нужно найти Третьего, — наконец определился Ким. — Я помню, что оперировали нас двоих. Кстати, а меня зачем? Ни черта не соображаю...

Постояв еще немного под струей холодной воды, Второй собрался, наконец, с духом, и выволок себя из ванной. Он почти добрел до дверей медблока, когда лавина ощущений и эмоций нахлынула и буквально погребла его под собой. Ким ошарашено застыл, пытаюсь понять, что происходит.

Это было похоже одновременно и на теплый летний солнечный день, когда ты бредешь по лесу, любуясь солнечными зайчиками, разбросанными по земле и высматривая полянки с земляникой, и на шум моря, что набегает на гладкую гальку и белый песок, легко касаясь твоих босых ног, и на солнечное утро в простом оштукатуренном доме, наполненном материнской любовью и вкусными ароматами домашней выпечки, и на то потрясение, что испытываешь, глядя на россыпи звезд на черном небе. Странное чувство будило воспоминания о веселых студенческих годах и восторгах первых полетов, о том, как с чувством глубокого удовлетворения ты каждый день покидаешь спортзал, где стал еще на какую-то долю сильнее, о радости открытий новых путей, рука об руку с друзьями. Все вместе оно соединялось в какой-то невообразимый вихрь и обрушивалось на Кима, буквально не давая вдохнуть. Но это было самым прекрасным, что он когда-либо испытывал, и больше всего сейчас бесстрашный капитан боялся, что это чувство исчезнет, и он больше никогда его не ощутит.

— Ким! — дверь медблока распахнулась и оттуда с абсолютно ошалелыми глазами вывалился Третий. — Что произошло? У меня в голове полный кавардак! Там больше нет Крыса, ты представляешь?!

Фиксианец застыл напротив друга, ощутив, как путаница в голове плавно распадается на гармоничные составляющие. Ким тоже замер, прислушиваясь к ощущениям. Бушующий поток утихомирился, превратившись в реку. Словно золотая ниточка протянулась от одного из них к другому и зазвенела ощущением абсолютного спокойствия, гармонии и правильности происходящего.

— Так вот значит, о чем ты говорил, — улыбнулся Второй, с любопытством вслушиваясь в свои ощущения. — Должен сказать, вы правильно не распространяетесь на эту тему. Если бы другие народы знали, какая это замечательная штука — эмпатия, они бы жутко вам завидовали.

— Обычно гораздо слабее, — помотал головой Третий. — Почти на грани восприятия. Ким... спасибо тебе.

— Надеюсь, ты не пожалеешь, что связался со мной, — улыбнулся Второй и Третий возмущенно сверкнул глазами. — Я пошутил.

Он поспешно поднял он руки в примирительном жесте.

— Просто имей в виду, что мы — вспыльчивый народ и порой тебе будут не по душе мои эмоции.

— Уж как-нибудь переживу, — иронично сказал фиксианец, и, не выдержав, оба от души расхохотались, впервые за долгие годы ощущая себя абсолютно, невообразимо счастливыми.

Часть 7

— С тобой все в порядке? Эй, ты меня слышишь? Сева! Ау!

Всеволод стряхнул с себя оцепенение и недоумевающе посмотрел на машущую перед его лицом ладонь.

— Что? — перевел он взгляд на Кима, которому эта ладонь и принадлежала.

— Я тебя уже битый час зову. Уже давно можно начинать высаживать, или ты хочешь докопаться до ядра Балана?

Первый перевел взгляд на лопату, которую держал в руках. И вправду, задумавшись, он совсем увлекся.

— Извини.

— Все в порядке? — Ким обеспокоенно смотрел на друга. — Ты в последнее время какой-то слишком задумчивый. И грустный.

— Да все нормально, — покачал головой Первый. — Просто по семье соскучился. Все-таки, одно дело — когда ты мотаешься по космосу, но в любой момент можешь с ними связаться, и совсем другое — когда ты неизвестно где, и они даже не знают, жив ли ты. Переживают же, наверное.

— Да уж, — Второй заметно помрачнел. — Но потерпи, совсем немного осталось. Уже завтра полетим домой.

— Потерплю, куда ж я денусь, — улыбнулся Всеволод. — Хотя, это я просто паникую. От меня, бывало, и дольше не было вестей, и мои спокойно это воспринимали. Просто немного давит мысль, что сейчас я при всем желании связаться с ними не могу.

— Вот тут я тебя понимаю, — задумчиво кивнул Ким. — Это очень странное чувство, когда ты не можешь дотянуться до привычного космоса, знакомых планет, да? Я, например, чувствую себя моряком на необитаемом острове, у которого не на чем вернуться на сушу. Даже хуже.

Всеволод хмыкнул.

— Точно. — Он немного поколебался, но все же задал вопрос. — А Третий? Он тоже так себя ощущает?

Второй склонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то.

— Нет, — задумчиво сказал он через несколько секунд. — Он скучает по дому, но эта изоляция наоборот, во многом ему помогла.

Второй поднял голову и явно уже от себя добавил:

— Тем более, он все-таки летал в соседнюю галактику, а в том полете одиночество пострашнее было.

— Это ты вот сейчас мысли его считал? — удивленно спросил Первый.

— Эмоциональный фон, — улыбнулся Ким. — Эмпатия не позволяет читать мысли, только чувства.

— И как это? — осторожно спросил Всеволод. — Очень... странно?

— Ты удивишься, но нет, — пожал плечами Второй. — Более того, у меня ощущение, что все случилось именно так, как должно было случиться. Я всегда ощущал вас как часть себя. Потом ты женился, и в большей мере это стало чувствоваться по отношению к Третьему. А в годы плена и после словно отрезало. Теперь же все снова так, как и было. Только усиленное в несколько раз.

Ким счастливо улыбнулся, и Первый не мог не улыбнуться в ответ.

— Я рад за вас, — искренне сказал он. — Третьего больше не мучают воспоминания?

— Иногда, — дернул плечом Ким. — Сам понимаешь, такие вещи трудно забыть. Но теперь он в любой момент может от них отрешиться. Нет больше этой связи, и

воспоминания стали просто воспоминаниями. Без живого напоминания в голове.

Второй обернулся и окинул взглядом вскопанную землю.

— Что-то мы заболтались. Давай заканчивать, а то не успеем. А я не хочу на прощальном вечере помирать от усталости.

Друзья разошлись по разные стороны широкой полосы перекопанной земли, и каждый завозился со своим участком. Третий работал в отдалении, и он, в отличие от них, почти управился. Во время работы Первый не переставал размышлять о словах Кима. Он старался не слишком выпытывать у друзей, что они теперь ощущают и вообще, кем они стали, но надеялся, что это только пока, и что рано или поздно этот разговор состоится. Слишком уж сильное впечатление оставила после себя операция, которую Трэя провела чуть больше недели назад...

Обязанности судового врача в их тройке всегда брал на себя Ким. Но и Первый, и Третий тоже были прекрасно обучены оказывать медицинскую помощь. За свою богатую приключениями жизнь Всеволод неоднократно оказывался на операционном столе, не единожды сам зашивал друзей, или помогал кого-нибудь оперировать. Он знал, что некоторые операции могут продолжаться несколько дней, но еще никогда не слышал и, тем более, не наблюдал воочию, как один-единственный человек будет, не отходя, стоять у операционных столов пять суток подряд, ни на секунду не отвлекаясь при этом от процесса.

Когда баланка погрузила в сон и Кима, Первый невольно заинтересовался, почему друга тоже понесло на операционный стол. Услышав сжатое изложение ситуации, Всеволод почувствовал гордость за Второго, так как друг, по сути, ставил крест на своей возможной семейной жизни ради спасения Третьего, и в то же время непроизвольно ощутил, что никогда уже не сможет относиться к фиксианцам как к "своим в доску". Слишком много секретов оказалось у этой расы, и все они были какими-то...чуждыми. Во всем Млечном Пути никто больше не обладал таким странным набором качеств, даже отчасти.

Первый вспомнил росписи в заброшенном зале древнего храма и в очередной раз задался вопросом — а были ли фиксианцы вообще уроженцами их галактики? Быть может, они были куда более древней расой, пришедшей откуда-то извне? И случайно ли Млечный Путь оказался такой благополучной галактикой, которая даже и близко не приблизилась к межпланетному империалистическому строю, в то время как и Магелланово Облако, и Черный Глаз с лихвой наглотались этого "добра"? Была ли в этом заслуга только отдельных планет, или кто-то со стороны приложил к этому руку? Или, может, даже не одну, а все шесть?..

У Первого не было ответов, и он знал что, скорее всего, их и не будет. Не станет он ничего выспрашивать у Третьего, или рыться где-нибудь в поисках информации. Не его это миссия. Три капитана были рождены для того, чтобы защищать галактику от беззакония и открывать новые планеты. А поисками тайн прошлого пусть занимается кто-то молодой и любопытный. Такой, как дочь профессора Селезнева, например. С него же будет достаточно того, что друзья рядом, и что они счастливы. Хотя тогда и он сомневался, что все получится.

Когда операция началась, Трэя словно окаменела. Даже руки у нее почти не шевелились. Работали только пальцы и странные приспособления, больше всего напоминающие стальные наперстки, из которых на почти невидимой глазу скорости выскакивали тончайшие иглы. Всеволод искренне считал, что после всего спины друзей будут похожи на расчерченное поле для игры в морской бой. Но иглы были настолько тонкими, что осталась только сеть крошечных точек.

Пять дней растянулись в невыносимо долгое ожидание, словно прошел месяц. Он все время находился возле Трэи, и первые дни она лишь иногда просила принести ей воды и помочь напиться, потому что ни на секунду не снимала своих странных перчаток. Когда его одолевал сон, приходила одна из смотрительниц сменяла его, давая немного поспать на одной из кушеток. Она же приносила какую-то еду, и он жевал, абсолютно не ощущая вкуса, лишь бы не помереть с голоду. Три дня, пока оперировали Третьего, ему казалось что все очень долго тянется и непонятно когда закончится. Но когда пришла очередь Второго, все стало гораздо хуже. Трэя уже почти не стояла на ногах, её без конца шатало и ему пришлось стоять рядом с ней, удерживая баланку за талию, лишь бы она могла не отвлекаться от операции. У девушки каждые полчаса начинала идти носом кровь и Нирхея приносила чистые платки, а заодно и вкатывала ему какой-то стимулятор, помогающий продержаться без сна. Она же объяснила, что пояса заморозки можно использовать так долго, только если ты лежишь без сознания, но никак не находясь на ногах, да еще и в нервном напряжении. Эти два дня слились в какой-то сплошной однообразный поток оцепенения и ожидания. И когда прозвучал надтреснутый голос баланки, произнесший заветное "Всё. Закончила", Всеволоду показалось, что он очнулся от затяжного кошмара.

Впрочем, ему пришлось вытерпеть еще часа два, пока он дежурил под дверью ванной, слушая, как бедную девушку буквально выворачивает наизнанку, а потом отнести ее, бледно-зеленую, обратно в медблок. Они решили остаться там, пока Ким и Третий не очнутся. Выбрали себе по кушетке, и отрубались настолько, что не слышали ни как приходили смотрительницы и укрывали их легкими одеялами, ни как очнулся Ким, которого последствия заморозки догнали прямо в медблоке, ни как вслед за ним с перепуганными глазами подскочил Третий, который никак не мог понять, что произошло. Проспали почти сутки.

Очнулись уже перед рассветом следующего дня, когда друзья притащили им по чашке местного аналога кофе. Всеволод полчаса выслушивал сбивчивые благодарности, плохо соображая, кто он вообще такой, и чего от него хотят. Потом посмотрел на ехиднейшее лицо Кима, понял, какой у него примерно сейчас вид, отмахнулся и принялся цедить горячий напиток. Трэя так легко не отделалась — до неприличия счастливый Второй, который уже знал о подвиге баланки от смотрительниц, непременно хотел от души заобнимать спасительницу. Спасительница возмущенно пищала, отбрыкивалась и пыталась досмотреть сон, упрямо отказываясь открывать глаза. А потом очень сонная и злая выдала улыбающемуся от уха до уха Киму, что она жутко устала, и он поступил по-свински и вообще, можно ей хоть немного поспать?!

Впрочем, когда не менее счастливый Третий поцеловал ей руки и чуть ли не в душу глядя своими огромными глазами, наговорил кучу благодарностей, Трэя и вовсе позабыла, что полминуты назад очень хотела спать. Сидела и смотрела на него широко распахнутыми глазами, приоткрыв рот и полыхая щеками. Похоже, у баланцев при виде фиксианцев вообще крышу сносит, основательно и надолго. Всеволод тихо похихикал над лицом девушки, но комментировать ситуацию не стал. В конце концов, не они первые, не они последние. В родной галактике фиксианцев тоже многие считали чем-то за пределами прекрасным и за Третьим всегда следовал хвостик девушек, если им случалось задерживаться на какой-нибудь планете...

С того дня прошла ровно неделя. Трэя улетела на родную планету, потому что ее ждала работа, но обещала вернуться к их отлету. "Чайка", наконец, была полностью восстановлена и протестирована на наличие неисправностей. Все было в порядке, и теперь они могли лететь домой. А вчера вечером, не зная, какими еще словами

благодарить смотрительниц, друзья спросили, могут ли они хоть что-нибудь для них сделать. Просьба телепатов их немного удивила — они попросили, чтоб каждый из капитанов собственноручно посадил на Балане дерево. Мол, только так на живой планете можно сохранить память о себе. Ну, а поскольку капитаны всегда все делали с душой, то они взялись посадить целую аллею. И теперь друзья с упоением возились каждый со своим участком, спеша закончить к вечеру, чтоб успеть к прощальному ужину, который готовили смотрительницы.

Последний вечер на Балане прошел весело и шумно. Трэя привезла с собой невероятное количество незнакомой, но очень вкусной еды и на поляне возле леса с размахом устроили пикник. Жгли большой костер, жарили на нем какие-то сладости, напоминающие земной зефир, рассказывали истории о родных галактиках, пели и танцевали. Смотрительницы, как оказалось, прекрасно владели местными струнными инструментами и вместе составляли отличный ансамбль. Под медленную и очень грустную мелодию Трэя по очереди станцевала с каждым из капитанов, а потом долго краснела и говорила, что будет что вспомнить в старости. Всеволод, правда, сильно подозревал, что говорила она только о Третьем, но все равно было приятно.

Он сам, как самый низкий из друзей, с удовольствием провел в танце каждую из смотрительниц и Ким потом долго подкалывал друга, что Ализис при этом была пунцовая. У Трэи оказался низкий, но очень приятный голос, и Второй с удовольствием обучил ее словам одной из самых популярных у космонавтов песен, и они вовсю распевали ее дуэтом. Было очень тепло, уютно и душевно, и в глубине души капитанам было жаль расставаться с внезапно обретенными друзьями и прекрасной планетой, которые подарили им исцеление и надежду на лучшее.

Когда уже была глубокая ночь, на догорающем костре вскипятили воду и заварили ароматный чай из сушеных ягод, а потом не спеша пили его, глядя на усыпанное звездами небо и считая пролетающие корабли. Жар от затухающего костра еще обнимал приятным теплом, но на радость неожиданного праздника легла тень неизбежного расставания и все как-то попритихли. Всеволод думал о семье, вспоминал улыбку жены и мордашки сыновей и понимал, что жутко соскучился. Третий тоже вспоминал дом и думал о том, что теперь в любое время сможет прилететь на родную планету, и не со страхом, что кто-то что-то узнает, а с гордостью, потому что он связан с самым лучшим человеком на свете. Тут же уловив смущение Кима, уверенно ответил ощущениями тепла и принятия. Второй до сих пор чувствовал себя... недостойным, что ли. Первые дни он сильно переживал, что его чувства окажутся слишком злыми, или слишком неуравновешенными. Пока Третий не устроил ему показательную демонстрацию своих эмоций, нарочно вызвав в памяти всю ту злость, бессилие и ненависть, которые испытывал, находясь в плену. Когда буквально сбивающая с ног волна негатива обрушилась на бедную кимову голову, он перепугался до смерти. А потом выслушал от друга длинную лекцию на тему того, что "фиксианцы вовсе не роботы, мы тоже злимся и психуем, просто держим себя в руках, и хватит уже нас идеализировать и принижать себя, ты меня доведешь когда-нибудь своим самокопанием". После этого Второй немного успокоился, но все равно жутко смущался, когда ощущал ту волну обожания, которая неизменно накрывала его при соприкосновении с эмоциями Третьего. Друг воспринимал его почти как идола, от чего Киму неизменно хотелось забиться куда-нибудь под кровать и не вылезать, потому что с его очень требовательным отношением к себе чувствовать это едва ли не поклонение

было просто слишком.

— Что вы будете делать, когда вернетесь домой? — нарушила тишину Трэя, которой было очень больно от мысли, что такие замечательные люди улетят уже завтра. Впрочем, внешне она старалась этого не показывать. Ким перевел на нее взгляд и призадумался.

— Честно говоря, не знаю. Наверное, сперва навестим свои родные планеты. Третий и я не были там уже несколько лет. А Сева полетит к семье, скорее всего. Ведь полетишь? — обратился он к Первому.

— Конечно, — кивнул тот, вороша тлеющие угли палочкой. — Ненадолго, но увидеться очень хочется.

— А мне, наверное, сперва придется выдержать атаку ученых, — задумчиво сказал Третий, подперев подбородок двумя руками. — Восстановить в памяти и рассказать все, что сумел запомнить из своего путешествия. А потом я тоже хочу слетать домой...

"Ты со мной?"

"Конечно".

Всеволод тихо хмыкнул, как будто и он услышал молчаливый обмен эмоциями.

— А потом мы снова отправимся в космос, — подытожил Ким. — Вряд ли мы сможем найти себе какое-то другое призвание. Космос уже настолько стал частью нас, что искать что-то другое бессмысленно.

И два других капитана кивнули, соглашаясь.

— А вы? — Третий взглянул на сидящих напротив смотрительниц и Трэю.

Баланка зябко повела плечом.

— Я вернусь к своей работе. У меня обычно очень много операций в неделю. Раньше многие из них казались мне сложными, но после того, что случилось здесь... — девушка смущенно улыбнулась. — Чувствую, теперь я буду воспринимать свою работу как отдых.

Фиксианец кивнул и перевел взгляд на смотрительниц. Те немного смущенно зашевелили ушами. За время, проведенное на Балане, друзья успели немного изучить этот странный язык, которым телепатки выражали любые эмоции, и теперь могли различить, что смотрительницы стесняются.

— Мы хотели остаться здесь, — смущенно сказала Нирхея. — Считали, что наша раса в чистом виде не должна больше существовать. Но, как показали последние события, наши умения еще могут быть полезны другим обитателям галактики. Та же расшифровка чужого языка. Без телепатии это заняло бы месяц. Да и...

Нирхея бросила на Третьего смущенный взгляд.

— Мы помним слишком многое, чтобы позволить этой памяти потеряться среди страниц исторических хроник. Так что мы вернемся в галактику. Сам Балан не бросим, но дадим свои гены ученым, чтобы они могли воспроизвести их, и наша линия не прервалась.

Трэя придушенно пискнула и бросилась обнимать Нирхею. Большие уши смотрительницы пришли в вертикальное «очень-удивленное» положение.

К жилому зданию компания вернулась, когда было уже около двух часов ночи. Пора была расходиться по комнатам, чтобы хоть немного поспать перед отлетом, но все невольно медлили. Трудно было принять, что это — последняя ночь здесь. Ким жадно смотрел на любимившееся ему здешнее небо, словно хотел впитать его бесчисленные огни — звезд и кораблей, Всеволод с печалью рассматривал ночной пейзаж, не освещенный искусственными огнями — редкое в нынешнее время зрелище. Трэя и Третий

слегка отстали и тихо о чем-то переговаривались. По щекам баланки то и дело соскальзывали слезинки, и она радовалась, что в темноте этого не видно, усиленно при этом кивая каким-то словам фиксианца. До друзей лишь один раз донеслось ее тихое:

— Хорошо. Да, обещаю.

— Мы хотели спросить у вас, — нарушила тишину Нирхея, когда они подошли к порогу. — Вы будете рассказывать об этом путешествии там, у себя?

Капитаны переглянулись и Всеволод, покачав головой, ответил за всех.

— Мы уже советовались на эту тему. И, если честно, не хотелось бы. Некоторые тайны не стоит раскрывать. А вы хотите, чтоб мы рассказали?

— Наоборот, — помотала головой Нирхея. — Мы тоже хотели попросить вас о молчании. Может быть, когда-нибудь наши миры и так пересекутся, но пока берегите свой, такой чистый и спокойный. Чтоб ему никогда не пришлось переживать то же, что пережил наш.

— Сбережем, — абсолютно серьезно кивнул Первый. — А после нас вахту примет новое поколение. А вы берегите свой.

— Непременно, — грустно улыбнулась Нирхея и, помолчав, добавила, — Ну, по комнатам? Завтра, точнее уже сегодня, рано вставать.

— По комнатам, — печально согласился Ким, и поляна перед зданием опустела.

Утром, впервые за все время их пребывания здесь, пошел дождь. Капли стекали по иллюминаторам "Чайки" и из-за них фигуры смотрительниц и Трэи казались слегка расплывчатыми. Ким стоял у стекла, неотрывно глядя на машущих ему друзей. В руках он крепко сжимал снимок, который баланка успела сделать перед тем, как они поднялись по трапу. На космодроме технику использовать можно было, и маленькая камера запечатлела их всех, стоящих на фоне "Чайки". Получилось очень красиво, потому что фоном стал не просто бок корабля, а сапфировый силуэт птицы на его борту. И теперь Ким держался за этот снимок так, словно он был самым большим сокровищем в его жизни. Впрочем, нет. Самое большое сокровище сейчас стояло чуть позади него. И еще одно сидело в капитанском кресле, закладывая в приборы координаты обратного пути.

"Больно"

"Я знаю. Мне тоже"

— Планета плачет, — тихо добавил вслух Третий, взглянув на серое небо. — Ей тоже плохо.

Ким ничего не ответил. Вскоре загудели двигатели и "Синяя Чайка" оторвавшись от стартовой площадки, начала подниматься в хмурое небо, плавно набирая скорость. Фигуры внизу в считанные мгновения превратились в точки, а потом и вовсе растворились на фоне местности. Второй до последнего не отходил от иллюминатора, и лишь когда Балан превратился в изумрудный шарик на фоне ослепительно-красивой звездной системы, капитан тяжело вздохнул и побрел на мостик.

— Готовы? — тихо спросил Всеволод, когда по курсу показалось исполинское кольцо синего света, заключенное в обод из странного орнамента.

Ким и Третий кивнули, пристегиваясь. Трэя говорила, что своим переходом через врата они должны были стабилизировать концентрацию энергии в них, но друзья больше не собирались рисковать. Первый выдохнул, словно перед прыжком в воду, и "Чайка" рванула вперед.

А через три часа безмолвия и темноты, которые наполняли уже знакомый void,

впереди вспыхнули ослепительные звезды и эфир расцвел всевозможными сигналами и сообщениями на таком родном языке.

Они были дома.

Часть 8

За окном уже четвертый день лил дождь. Уютный гостиничный номер казался единственным надежным островком тепла и безопасности, и покидать его не хотелось. Знаменитые космические капитаны, герои, на которых равнялись сотни молодых космолетчиков галактики, банально боялись, что если высунутся на улицу, то опять попадут под шквал вопросов какого-нибудь восторженного ученого или журналиста. А они этого удовольствия за последние две недели наелись столько, что одна мысль об еще одном интервью вызывала содрогание. И если бы только интервью! Но стоило им начать отвечать на вопросы, как кто-нибудь обязательно брал с них обещание посетить очередную научную конференцию. А обещание, данное одним из знаменитых капитанов — это ведь не просто так, его выполнять нужно. Вот и приходилось или изворачиваться всеми возможными способами, чтобы отказать, или все же идти на какой-нибудь съезд ученых светил всея галактики. Особенно в этом плане доставалось Третьему, которого буквально разрывали на части и физики, и химики, и астрономы, и журналисты, и просто огромная толпа любопытных. Поэтому, промаявшись две недели, друзья не выдержали и просто сбежали.

Их убежищем стала одна старая гостиница на окраине города. Они полюбили это место еще много лет назад, когда борьба с пиратами сделала из троих недавних выпускников Академии знаменитостей галактического масштаба. Перепуганные внезапно свалившейся славой, они тогда прятались здесь от восторженных поклонников. Хозяин гостиницы был близким другом отца Всеволода и никогда не выдавал друзей, всегда по-доброму посмеиваясь над тем, как они испуганно дергаются, если окликнуть их по имени. "Заря" была их убежищем, даже в какой-то мере домом. Здесь, как и на борту "Синей Чайки", они могли расслабиться и просто быть собой, не играя ни одну из отведенных им ролей. Капитаны, первопроходцы, борцы с преступностью, ученые — все это оставалось за порогом, и в уютных гостиничных номерах оставались только Первый, Второй и Третий. Именно так, а не по именам. Чтоб никому обидно не было.

Пребывание на Балане сильно сказалось на их мировоззрении, и первое время тяжело было привыкнуть к шуму и наполненности родной галактики. Тянуло обратно. К тишине заповедной планеты, к ее вековым лесам, к тому звездному небу, которое можно увидеть лишь при отсутствии искусственного освещения. Не хватало любопытных и вечно шевелящих ушами смотрительниц, вечерних костров, древних зданий с расписанными письменами стенами и цветов, пахнущих земляникой. Не хватало даже изнуряющей работы по восстановлению "Чайки". И друзья погрузились в какое-то подобие оцепенения, находясь хоть и рядом, но в то же время каждый в своем внутреннем мире. У них уже бывало такое, обычно после тяжелых боевых операций или потерь среди экипажа. В это время очень важно быть с теми, кому доверяешь, но и кто не будет доставать тебя лишними расспросами. Именно поэтому в трехместном номере, который они заняли, большую часть времени дни царило молчание.

Ким сидел на диванчике возле окна и, глядя на дождь за окном, пил кофе. Второй вообще был большим любителем этого напитка, и как только кофе оказывался в пределах досягаемости, капитан методично истреблял все его запасы. Друзья поглядывали на это с неодобрением, но молчали. В конце концов, при полной опасностей жизни космического капитана, лишняя чашка кофе — не самый страшный риск. Тем более, что других вредных привычек Второй не имел.

Всеволод сидел рядом, но в кресле, и задумчиво вертел в руках старую музыкальную шкатулку, которую нашел в шкафу. Время от времени Первый открывал тяжелую крышку,

и номер наполняла приятная мелодия перезванивающихся колокольчиков. Он торопливо захлопывал ее обратно, боясь потревожить друзей, но руки как заколдованные, снова тянулись к маленькому замочку.

— Оставь, — попросил Ким, когда в очередной раз зазвучала мелодия. — Если тебе нравится, пусть играет. Приятная же.

Первый кивнул и отставил открытую шкатулку на подлокотник. Какое-то время в номере тихо перезванивались колокольчики. Прислушав мелодию несколько раз, Всеволод мягко закрыл крышку.

— У меня была похожая в детстве, — тихо сказал он, задумчиво вычерчивая пальцем узоры на резной поверхности. — Мелодия была почти такая же. Я тогда был совсем карапузом, и когда слушал, то эта музыка казалась мне чем-то запредельно прекрасным. Воображал, что если музыка космоса существует, то она должна быть именно такой.

Ким внимательно выслушал неожиданное откровение и, кивнув, вновь вернулся к созерцанию потоков воды на стеклах. Не было нужды говорить что-либо в ответ. На такое обычно ничего не отвечают. Просто слушают.

Третий, внимательно прислушивающийся к их диалогу, тоже ничего не сказал и вернулся к составлению отчета о своем путешествии. Фиксианец уже третий день засиживался допоздна, но пока не добрался даже до середины. Всеволод переживал, что он опять подорвет здоровье, но Ким знал, что Третьему нравится то, что он делает, и чувствует он себя при этом отлично, поэтому он убедил Первого не наседавать на друга с требованиями пойти и хоть немного поспать. Ким не стал говорить, что фиксианцу это необходимо еще и потому, что после нескольких лет заточения и бездействия он теперь жадно хватается за малейшее проявление жизни, боясь упустить хоть минуту обычного повседневного существования. Он сам, хоть и в меньшей мере, но тоже чувствовал что-то похожее. Второй не сомневался, что Всеволод поймет их, но поймет лишь умом, а не чувствами, ведь некоторые вещи можно полностью осознать, лишь прочувствовав их на себе. Потому и молчал. Как и о том, что теперь чувствует себя не просто человеком, а чем-то другим, более... тонким, что ли. Не телом, наделенным сознанием, а сознанием, которое заключено в физическую оболочку. Казалось бы — какая разница? Но в том-то и дело, что разница была, и была огромной. У Кима порой было такое ощущение, что его выбросило куда-то на принципиально новый уровень понимания мира. И здесь были другие горизонты, другие звезды, другое небо. Такое... светлое, словно готовое только-только принять рассвет. Это было странно, но и чудесно. И пытаться рассказать об этом кому-то, даже лучшему другу было бесполезно, потому что эти ощущения воспринимались не умом, а чем-то настолько глубинным, о существовании чего Второй у себя даже не догадывался, пока не перенес судьбоносную операцию. Впрочем, один разговор у них все же состоялся, хоть и при не слишком приятных обстоятельствах. Ким невольно поморщился, когда вспомнил встречу, случившуюся несколько дней назад.

Это был слет физиков нескольких планет, и они пообещали, что будут присутствовать на нем. Шесть часов, проведенные в бесконечных обсуждениях вымотали друзей настолько, что когда все закончилось, Второй едва не падал от усталости и голода. С трудом пробившись сквозь толпу ученых, которые и не думали расходиться и теперь общались на свободные темы, капитаны добрались до небольшой столовой, в которой, к счастью, почти никого не было. Сделав роботу-официанту заказ, Ким попутно отвоевал у автомата чашку крепкого кофе, и теперь с наслаждением пил его, понемногу приходя в себя. Всеволод и Третий, хоть и не меньше устали, не могли не похихикать над его выражением лица. Второму даже лень было огрызаться, пусть ржут, ну их. Все равно они не со зла — друзья прекрасно знали, как ненавидит он большие скопления людей и

подобные мероприятия.

— Ким? — удивленный женский голос вырвал капитана из блаженного полурасслабленного состояния.

Второй удивленно заозирался в поисках позвавшей, а когда увидел, то даже не сразу узнал. Привлекательная молодая женщина лет тридцати не вызвала в душе даже тени воспоминаний, и лишь когда Всеволод тихо ойкнул и приобрел такой вид, словно хочет сию секунду испариться, до Кима дошло.

Она тоже родилась и выросла Марсе. Кора была его первой детской влюбленностью, потом это чувство переросло в подростковую увлеченность, потом — в страстную юношескую любовь. И когда они вместе поступили в Академию, то на третьем курсе у них завязались отношения. Все было довольно серьезно, и три года красивая пара не расставалась, вызывая невольную зависть окружающих. Друзья Кима были уверены, что все закончится свадьбой. Но чем ближе подходил срок окончания Академии, тем большую трещину давали их отношения. Кора была слишком яркой и независимой, чтобы посвятить себя семье и быту, но почему-то упрямо требовала этого от Кима. Ей не нравилось, что он собирает собственный корабль, что так много времени проводит с друзьями, что собирается ходить в патрули по всей галактике. Ей все время все не нравилось, и в конце концов они расстались. По ее же инициативе, когда Ким сказал, что или они будут делить космос вдвоем, или он уйдет на своем будущем корабле один. Скандал был жуткий и Всеволод несколько дней потом ходил за другом как привязанный, боясь, что тот что-нибудь с собой сделает. К счастью, Второй воспринял все относительно спокойно и даже ощутил некоторое облегчение. Наконец-то никто больше не выносил ему мозги истериками, и он мог без остатка посвятить себя любимому делу.

Она вновь появилась в жизни Кима через несколько лет. Сразу же после того, как они получили свои первые боевые награды и прославились как непримиримые борцы с преступностью. У Второго на тот момент уже отбоя не было от девушек — эффектная внешность вкупе с репутацией бесстрашного капитана поднимали его привлекательность в их глазах на недостижимую высоту. Но Всеволод и Третий знали, что Ким все еще не забыл свою первую любовь. Иногда он уступал их уговорам и ходил на свидания, пробуя завязать отношения с кем-то еще, но ни с кем не выдерживал и нескольких встреч. Неделя была рекордом. Именно в этот период Кора и возникла на горизонте вновь. И Первому, и Третьему было очевидно, что ей нужен не столько Ким, сколько его слава. Справедливости ради, Второй тоже отлично это понимал, но иногда все же уступал своей привязанности и встречался с бывшей невестой. Впрочем, случалось это редко, когда капитаны задерживались на планете дольше, чем того требовала очередная отчетность или приобретение необходимых деталей — продуктов, одежды... Всеволод из надежных источников знал, что Кора потом хвастается этими встречами перед своими подругами, в деталях расписывая очередное свидание, включая и самые интимные моменты, но щадил чувства друга и ничего ему не говорил. В конце концов, таких свиданий едва ли набиралось два-три за целый год. А потом грянуло расставание знаменитой троицы, разлука, четырехлетний плен Второго и Третьего, и почти невероятное двухмесячное путешествие в другую галактику, которое словно разделило жизни капитанов на "до" и "после". Ким думать забыл, что в его жизни когда-то существовал кто-то помимо Первого с его семьей, и Третьего. И теперь перед ним стояла не утратившая привлекательности некогда любимая женщина, а он даже не сразу смог ее вспомнить.

Всеволода это шокировало. Она тогда посидела немного с ними, и Первый с

изумлением понял, что Киму, похоже, все равно. Второй не был с ней холоден или равнодушен. Наоборот, он был предельно дружелюбен и вежлив, с интересом расспрашивал Кору о том, как сложилась ее жизнь, вспоминал совместное детство и годы учебы. И именно это окончательно убедило Первого, что некогда сильные чувства прошли. С теми, кто еще цепляет что-то в душе, так просто и спокойно себя не ведут.

Девушка была явно разочарована, но постаралась не подавать виду. Они распрощались спокойно, как старые друзья, но один вопрос все же не давал Первому покоя. Во время беседы Третий почти все время сидел молча, и лишь с любопытством прислушивался к разговору. Большие сиреневые глаза фиксианца не выражали ничего, кроме вежливого интереса, но Всеволода не покидало ощущение, что Третьему плохо. Он не знал, как реагируют фиксианцы на бывших партнеров своего партнера, и реагируют ли вообще. Потом вспомнил, что у этой расы такое понятие как "бывший партнер" отсутствует в принципе, и ему стало еще неприятнее. Что если Третий вообще не знает, как сейчас реагировать? А если Кора будет продолжать искать встречи с Кимом, как фиксианец должен будет себя чувствовать? Мало ему досталось в плену, что ли, чтоб еще и в обычной жизни встряски переживать?

И Всеволод твердо решил, что поговорит с Кимом на эту тему. Случай представился тем же вечером, когда Третьего одного утащили уже на слет химиков. И когда Первый в лоб задал Второму вопрос, не считает ли он аморальным сидеть и любезничать со своей бывшей девушкой на глазах у нынешнего партнера, Ким с минуту ошалело хлопал глазами, а потом согнулся в приступе дикого хохота.

— Что смешного? — недовольно буркнул Всеволод, сложив руки на груди и наблюдая за веселящимся другом.

Кима накрыло так, что Первый невольно ощутил себя идиотом, который сморозил нечто совершенно нелепое.

— Ой, Севка, ну ты и балбес, — Второй просто рыдал, едва не сползая по стенке. — Как вообще можно было такое подумать?! Ты рассуждаешь так, будто я Третьего замуж взял и он, бедный, сидит теперь где-то в уголке и ревнует. Спасибо, конечно, за такую заботу, но ты как-то извращенно понял, что из себя представляет ментальная семья.

— Ну так объясни, — обиженно буркнул Всеволод, которому вдруг остро захотелось стукнуть друга, лишь бы тот прекратил ржать. — Просто в моем понимании семья она и есть семья.

— Ага, — Ким опять зашелся хохотом. — С уютным домиком, кружевными занавесками и кем-то у плиты в розовом фартучке. Ты меня вообще представляешь в такой роли?! Или, может, Третьего? В фартучке, в смысле, и у плиты. Блин... Ким сполз по стене и уселся на полу, уже действительно рыдая от смеха и явно не в состоянии остановиться. Первый, недолго думая, взял со стола стакан с водой и от души полил кимову макушку.

— Успокоился? — спокойно спросил он, глядя как друг фыркает и отряхивает мокрые волосы. — Истерика прошла?

— Ага. Спасибо, — все еще всхлипывая, но уже вполне адекватным голосом отозвался тот, поднимаясь на ноги.

Отобрал у друга стакан и налив себе холодной воды из графина, принялся по глотку ее отпивать. Потом бросил на обиженного Всеволода косой взгляд и, вздохнув, оставил стакан.

— Прости, — чуть виновато улыбнулся Второй. — Мы сами виноваты — сбили тебя с толку этим: "ментальная семья, ментальная семья". Просто нужно было сразу объяснить, что понятие "семья" у нас и у фиксианцев сильно отличается. У нас оно подразумевает

людей, связанных или браком, или кровным родством, или иными родственными связями. А у них это прежде всего душевное единение. И хоть они и называют "семьей" любой тип связи — у разнополых ли партнеров, или такой как у нас с Третьим, но на деле это выглядит совершенно по-разному. Если перевести это на понятный нам язык, то по внешним признакам наш союз будет называться скорее побратимством. Или духовным родством. И этот союз настолько всеобъемлющий, что такое понятие как "бывший" в него вообще не попадает. Кора для меня теперь — просто человек, которого я знаю. Да я даже не сразу узнал ее, когда она меня окликнула! А ты говоришь... Откровенно говоря, вся так называемая "любовь" к ней сошла на нет еще в годы плена. Именно тогда я понял, что важнее вас с Третьим у меня никого не было и не будет. Хотя бы потому, что ни одни отношения с девушкой не смогут заслонить собой все пережитое нами и дать мне хоть что-то, чего не может дать космос и наша дружба.

— А тыл? — уже явно оттаивая, спросил Всеволод. — То место, куда хочется возвращаться после очередного подвига?

— Для этого у меня есть "Чайка", — с улыбкой покачал головой Ким.

— А, хм... физические отношения с женщинами?

— Секс? — Ким снова рассмеялся. — Ну ты же знаешь, он для меня никогда на первом месте не стоял. Я всегда больше ценил обычное взаимопонимание между людьми. А теперь это и вовсе не проблема. Просто не нужно стало, и все.

— Кажется, теперь мне стало немного понятнее, — улыбнулся Первый. — Вот нельзя было сразу по-человечески объяснить, чтоб я голову не ломал?..

Воспоминания прервал громкий треск и испуганный детский вопль. Перепуганные друзья вскочили и бросились к балкону, возле которого рос развесистый старый клен. Ким подскочил к перилам первый и, опасаясь худшего, глянул вниз. Так и есть — на земле у дерева скорчилась маленькая фигурка. Очевидно, кто-то из местных мальчишек хотел покорить приглянувшееся дерево, но не удержался на мокрых ветках.

Недолго думая, Второй перемахнул через перила и спрыгнул вниз — второй этаж для тренированного капитана это даже не высота. Всеволод и Третий приземлились вслед за ним буквально через пару секунд. Ким присел перед ребенком на корточки, пытаясь оценить серьезность травмы. Учитывая, как сильно мальчик стонал сквозь стиснутые зубы, и как стремительно опухала нога, здесь почти точно был перелом.

— Эй, парень, — Ким осторожно тронул ребенка за плечо. — Ты меня слышишь?

Мальчик кивнул, не открывая крепко зажмуренных глаз. Было очевидно, что он изо всех сил старается не расплакаться, но такую боль и взрослому человеку трудно выдерживать, не то что ребенку лет десяти. Второй вздохнул, с жалостью глядя на неудачливого древолаза.

— Похоже, что ты ногу сломал, — без обиняков сообщил ему капитан. — Нужно срочно отвезти тебя в больницу, чтоб врачи осмотрели.

— Не нужно в больницу, — мальчик отчаянно затряс головой и быстро вытер глаза тыльной стороной ладони. — Пожалуйста, только не в больницу! Если мама узнает, то она не возьмет меня в экспедицию, а я еще ни разу в космосе не был. Не говорите ей, прошу вас!

— Но она ведь все равно узнает, — вздохнул Всеволод, тоже с жалостью глядя на парнишку.

Первый полет в космос — это самое долгожданное событие в жизни каждого современного ребенка, и капитан как никто понимал всю горечь разочарования, которую испытает этот мальчик, если его не возьмут. — Перелом ведь за один день не срастишь, дня три понадобится.

— Она вернется только через неделю, — ребенок все-таки не выдержал и расплакался. — Только не рассказывайте ей, что я хотел залезть на это дерево! Она мне запретила...

— И правильно сделала, — строго заметил Ким. — Чего тебя и вправду на него занесло, да еще и в дождь? Оно ведь не такое-то и интересное, и совсем не высокое. Всего лишь до нашего...

Второй поднял голову, и до него дошло.

— Балкона, — обреченно закончил Ким.

Первый за спиной как-то странно закашлялся, словно пытался сдержать смех.

— Простите, — мальчик захлюпал носом еще больше. — Но я так хотел увидеть знаменитых капитанов, а мама запретила вас тревожить, сказала, что нельзя никого дергать из любопытства.

— Мудрая женщина, — весело хмыкнул Ким. — Ну что ж, раз уж ты из-за нас туда полез, то нам тебя и в больницу доставлять. Хотя было бы проще, если бы и вправду пришел знакомиться через дверь. Как тебя зовут, герой?

— Лешка, — всхлипнул мальчик, глядя на капитанов перепуганными глазами. — А вы ей не скажете? Пожалуйста!

— Не скажем, не скажем, — успокаивающе отозвался Всеволод. — Хотя сперва все же нужно посетить травмпункт и узнать, что с твоей ногой. Вот только как тебя туда донести и не потревожить ее при этом — вопрос.

— Не вопрос, — спокойно отозвался Третий, подходя к ребенку.

Глаза Лешки восхищенно распахнулись при виде героя, вырвавшегося за пределы галактики. О Третьем капитане и его путешествии сейчас только слепой и глухой не слышал — все новости только об этом и говорили.

— Ой, — восторженно начал мальчик, — а Вы...

— Давай повременим с беседой, — улыбнулся ему Третий. — Разберемся с твоей травмой, а потом, если захочешь, я отвечу на любые твои вопросы.

— Конечно, — придушенно пискнул Лешка, которому от избытка чувств, похоже, голос отказал.

Фиксианец осторожно поднял ребенка с земли, двумя оставшимися парами рук аккуратно удерживая пострадавшую ногу в неподвижном положении.

— Здесь рядом есть стоянка флипов, — сказал он, обернувшись к друзьям. — Думаю, будет лучше, если до больницы доберемся на них, а не пешком.

Капитаны согласно кивнули, и маленькая компания как можно быстрее устремилась сквозь холодный дождь в сторону виднеющейся за деревьями площадки, на которой пестрели летающие кабинки.

Больница встретила капитанов и несчастного Лешку приятной чистотой, запахами лекарств и тишиной. Сдав страдальчески пытящего героя на руки улыбочивой медсестре, капитаны решили подождать, пока парню сделают рентген и точно установят, что с ногой. Как-то не грела мысль, что из-за них пострадал десятилетний ребенок, пусть это и была целиком и полностью его собственная вина. Все равно, на них же полез смотреть.

Всеволод занял один из больничных стульев возле кабинета травматолога, твердо решив самолично отвести Лешку домой, когда обследование закончится. Ким и Третий разбрелись по небольшому холлу, рассматривая развешанные по стенам картины.

Удивительно, но это были не проекции, которые уже давно вытеснили бумажные и

даже цифровые изображения, а самые настоящие картины, нарисованные маслом на холсте. Ким невольно почувствовал прилив расположения к этой маленькой больнице. Чем-то она напомнила ему медблок на Балане, по которому капитан остро тосковал. Возможно, той же сонной тишиной, что царила в помещении и за окнами, или той же старомодной простотой, которой ему стало так не хватать в их насквозь пронизанной прогрессом галактике. Его друзьям, похоже, тоже здесь понравилось. Всеволод откинулся на стуле, уперевшись затылком в стену позади себя и расслабленно прикрыл глаза. На его лице при этом читалось полнейшее умиротворение. А эмоции Третьего стали похожи на что-то очень-очень сонное и такое спокойное, что Киму немедленно захотелось скрутиться в клубок и часа два подремать в каком-нибудь тихом уголке. Чтобы и вправду не начать клевать носом, Второй медленно пошел в обход вдоль стен, надолго останавливаясь у каждой картины. В основном это были успокаивающие пейзажи разных планет, и обожавший природу капитан с интересом рассматривал их, стараясь не упустить ни единой мелкой детали.

Негромко прошуршала позади дверь одного из кабинетов, и кто-то вышел от врача. До Кима донеслось вежливое "До свидания. Спасибо вам", а потом внезапно эмоции Третьего из сонных резко сместились в сторону изумленно-обрадованных. Второй удивленно обернулся, чтобы увидеть, что вызвало такую внезапную смену настроения друга, и наткнулся взглядом на высокого, выше Третьего, фиксианца с перебинтованной рукой и сильно изрезанным лицом. Очевидно, он и был тем, кто только что вышел из кабинета.

— Рил! — эмоции Третьего буквально вспыхнули всеми оттенками радости. — Какими ветрами?

— Норн, — Рил вздрогнул от неожиданности, но тут же радостно улыбнулся. — Рад тебя видеть. Что ты здесь делаешь?

— Привезли одного человека на осмотр, — улыбнулся Третий, жадно рассматривая своего соотечественника. — Я тебя лет десять не видел точно. Как дела?

— Да, как видишь... — фиксианец неловко взмахнул одной из рук, показывая на свои травмы. — Именно сейчас как-то не очень. Уже с неделю хожу сюда, а результатов пока нет. Ты познакомишь меня со своими друзьями?

— А? Ой, да, прости. Ким, Сева, — Третий обернулся к друзьям, — знакомьтесь, это Рил, мой друг детства. Мы когда-то были буквально «не разлей вода».

— Пока кто-то не умотал учиться в Академию, — добродушно проворчал Рил, пожимая руки Первому и Второму. — Рад познакомиться, капитаны. Говорят, про вас сейчас только и показывают в новостях. Простите, я просто не особо слежу за жизнью в последнюю неделю.

— Там и следить не за чем, — сердито буркнул Третий. — Если честно, то шумихи больше чем дела. А почему ты уже неделю сюда ходишь? И почему сюда?? Почему не лечишься дома?

— Да понимаешь... — замялся Рил. — Не хочется там со всем этим показываться. Да и у меня здесь... пациент, что ли.

Фиксианец увидел по лицам капитанов, что они ничего не понимают и смутился еще больше.

— Ну, то есть не пациент, а я просто проведываю его иногда. Не хочется идти в Службу Безопасности, а дома ведь заставят. А он ведь уже и так... того, ну... — Рил вздохнул и опустил плечи, когда понял, что общими фразами отделаться не получится. — Пообещаете, что будете молчать?

Фиксианец выпрямился и просительно взглянул на капитанов.

— Мне так не хочется выносить все это на люди и тем более идти в суд. В том состоянии, в каком находится... тот, кого я проведываю, это будет все равно, что бить лежачего.

— Да, конечно, — растерянно кивнул Третий, хоть и абсолютно не понял, о чем говорит его друг.

Ким и Всеволод тоже с запозданием ответили согласием хранить тайну.

— Тогда пойдёмте, покажу. Тем более у вас как раз есть опыт обращения с такими... существами. — Рил покачал головой и первым двинулся по коридору куда-то вглубь больницы.

Тройка друзей недоумевающе последовала за ним. Только Всеволод успел сунуть нос в кабинет травматолога и сказать Лешке, чтоб без них не уходил.

Шли они минут пять. Место, куда вел их друг Третьего, оказалось на противоположном конце больницы. И когда они буквально уперлись в железную дверь с названием отделения, Третий и вовсе оторопел.

— Психиатрическое отделение? Серьезно?? Я всю жизнь искренне считал, что на Земле больницы подобного типа остались в прошлом, и что редкие случаи лечат теперь только у нас.

— Так и есть, — Рил с усилием толкнул тяжелую дверь. — Эти отделения сохраняются скорее как дань прошлому. Ну и для несерьезных случаев — кто-то попал в аварию и получил короткую амнезию, или нервный срыв на работе заработал. То, что можно вылечить в течение месяца.

— Тогда что мы здесь делаем? — недоумевающе пробормотал Ким, но послушно шагнул вслед за друзьями в длинный светлый коридор. Рил остановился возле поста дежурной медсестры и коротко переговорил с ней о чем-то. Молодая девушка, которая явно растаяла при виде фиксианца, согласно закивала, а когда увидела его спутников, то и вовсе застыла каменным изваянием, изумленно приоткрыв рот. Капитаны вежливо поздоровались с ней, проходя вслед за Рилом дальше по коридору. И когда вслед за своим провожатым шагнули в одноместную, но просторную палату, на Кима буквально обрушился шквал эмоций Третьего. Сильнее всего ощущались страх и гнев, и Второй поспешно огляделся, пытаясь понять, что вызвало такие чувства, и сам замер в изумлении.

Пациентом палаты был Крыс.

Пират неподвижно лежал на больничной койке, глядя в потолок бессмысленным взглядом. Он был в сознании, но явно не слышал, что к нему кто-то пришел. Второй почувствовал, что негативные эмоции Третьего постепенно затухают, сменяясь глубоким недоумением. Он и сам ничего не понимал. Сева, судя по лицу, тоже был глубоко шокирован.

— Что произошло? — через силу озвучил мучивший всех вопрос Третий, и Рил, тяжело вздохнув, устало потер лоб.

— Месяц назад, — начал он, запинаясь, — мне не повезло, и я попал к этому вот... субъекту. Мой корабль повредил астероид, и пришлось совершить аварийную посадку. Это было на самом краю галактики. Система Медузы, думаю, вы слышали о ней.

Недоумение Третьего вновь переросло в гневный шквал, и Второй с трудом удержался, чтоб не обнять друга, успокаивая. Всеволод стиснул челюсти, глядя на пирата так, будто хочет задушить его прямо здесь, на больничной койке. Рил перемены их настроения не заметил, или сделал вид, что не заметил. Он продолжил рассказ, дававшийся ему явно нелегко.

— У меня не было оружия, а у него, — он кивнул на Крыса, — было. В итоге я

оказался в плену у одного, как я понял, из последних пиратов. Ну, по крайней мере, так он сам себя называл. Ночь я провисел на цепях в каком-то подземелье, а утром пришел этот и начал меня кромсать.

Рил показал на забинтованную руку и порезы на лице.

— Вот это — результат его трудов. Не заживает, видимо, потому, что в кровь попало слишком много инфекции.

— Что он от тебя хотел? — резко спросил Третий, гневно сузив глаза.

Рил грустно усмехнулся и покачал головой.

— В том-то и дело, что ничего. Такое ощущение, что просто мстил. Он все время бормотал что-то, и я смог разобрать только фразы о каком-то провале и о смерти напарника. И фиксианцы ему чем-то не угодили. К счастью, продолжалось это недолго. Хотя мне тогда и показалось, что прошла вечность, но на деле минула лишь пара часов. А потом с ним что-то произошло. Что-то вроде болевого шока. — Рил содрогнулся от воспоминаний. — Честно говоря, это было страшнее любых его пыток. Я никогда не слышал, чтобы живое существо так кричало. Он катался по полу, как будто его живьем вскрывали и все время орал. И это длилось... ну, дня два точно. Я думал, с ума там сойду. Потом, в конце концов, смог дотянуться до одного из пыточных инструментов и вскрыть наручники. Сидел там с ним, не мог заставить себя уйти. Потом он успокоился.

Рил пожал плечами и кивнул на неподвижного пирата.

— Стал таким. Когда я смог починить корабль, то забрал его с собой и привез сюда. Сначала хотел домой, но побоялся, что, узнав обо всем, его упекут в тюрьму. А после того, что я наблюдал, я просто не мог бы сдать им больного, пусть и преступника. Здесь врачи осмотрели его и сказали, что он сошел с ума от боли. И не просто сошел, а стал как чистый лист. Ни памяти, ни мыслей. Что бы это ни было, оно убило все его сознание. Выжгло начисто. И это непоправимо.

— То есть, он навсегда останется таким?! — Ким шокировано уставился на фиксианца.

Тот неловко кивнул.

— Скорее всего. Если и восстановится что-то, то это будет абсолютно другое существо. От прежней личности там не осталось и следа.

Второй почувствовал, что гнев и страх Третьего уходят. Истаивают навсегда, как капли воды на солнце. А вместо них расцветает сочувствие.

— В общем, такая история, — Рил вздохнул, с жалостью глядя на неподвижного Крыса. — Скорее всего, ему придется провести остаток своей жизни здесь. Я буду навещать его время от времени. Почему-то кажется, что частично то, что произошло, случилось из-за меня. Хотя я даже отдаленно не могу себе представить, что вообще могло нанести такой удар по чьей-либо личности.

Рил расстроено умолк, и на некоторое время в палате воцарилось молчание. Только тихо тикали настенные часы и в окно периодически стучали капли уже прекращающегося дождя. Капитаны смотрели на поверженного врага — поверженного даже не ими, а тем, что он мнил своей защитой, и не могли понять, что чувствуют. На душе было как-то пусто.

— Я тоже буду приходить, — наконец тихо сказал Третий. — Иногда.

— Ну тогда и я с тобой, — сразу же встрепенулся Второй.

— Все будем, — задумчиво и грустно сказал Всеволод. — Потому что такой судьбы не заслуживает никто. Даже пират.

Палату они покидали в подавленном настроении. Ким чувствовал, что Третий действительно жалеет Крыса. Конечно, пират был той еще тварью, конечно, он причинил фиксианцу море боли, но для них-то все в итоге закончилось хорошо. Даже более чем

хорошо. А оказаться на всю оставшуюся жизнь пустой оболочкой, не способной даже вспомнить, кто ты... Это действительно жутко. И Сева прав — такой судьбы не заслуживает никто.

Уже когда они вернулись в травматологическое отделение, Рил тихо окликнул Третьего.

— Норн... Я вижу, у тебя появилась семья. Могу я узнать, кто?

— Можешь, — Хоть Третьему и было грустно, он не мог не улыбнуться. Фиксианец повернулся в сторону Кима. — Я теперь связан со Вторым капитаном.

— Рад за тебя.

Изрезанное лицо Рила осветила искренняя улыбка.

— За вас, — поправился он, взглянув на смущенного Кима. — Заканчивайте со своими делами и прилетайте к нам домой. Весь Фикс будет рад вас встретить.

— Прилетим, — кивнул Третий. — Обязательно.

— Тогда до встречи дома, — Рил поднял одну из рук в прощальном жесте. — Счастливых вам космических дорог.

— И звездного ветра, — закончил традиционно прощание Третий. — До встречи. И выздоравливай!

Рил махнул рукой и зашагал к выходу. Друзья проводили его взглядами, и как только за фиксианцем закрылась входная дверь, рядом распахнулась другая — кабинета травматолога.

— Ну как? — Встрепенулся Всеволод, увидев выходящего к ним врача.

Пожилой мужчина вел за руку прихрамывающего Лешку, тот робко улыбался.

— Все в порядке, — улыбнулся врач. — Это был вовсе не перелом. Просто сильный ушиб. Я обработал ногу, так что к вечеру этот непоседа уже снова сможет бегать.

— Спасибо, — благодарно улыбнулся Первый, беря протянутую мальчишескую ладонь. — Просто огромное вам спасибо!

— Нет, это вам спасибо, — покачал головой врач. — За то, что я могу спокойно работать, а этот ребенок — спокойно спать. Когда вырастешь, — обратился он к Лешке, — ты должен непременно стать таким, как они. И защищать мир в нашем общем доме. Обещаешь?

— Конечно! — тут же загорелись мальчишеские глаза. — Я обязательно стану таким же смелым и сильным как капитаны! И тоже буду стараться, чтоб все спали спокойно!

Ким тихо прыснул в кулак, но тут же постарался замаскировать этот жест под кашель. Друзья с улыбкой попрощались с травматологом и направились к выходу. Лешка с восторгом уцепился с одной стороны за широкую ладонь Всеволода, а с другой крепко сжимал тонкие пальцы фиксианца. Его просто распирало от счастья и гордости — такие знаменитые герои — и так волновались за него! А теперь он еще и может расспросить Третьего капитана о его путешествии в другую галактику. Тот ведь сам пообещал, что ответит на все вопросы!

— Ура!

Лешка радостно подпрыгнул, когда они вышли из здания.

— Дождь кончился! Радуга!! — восторженно завопил он, увидев семицветный мост через все небо.

Капитаны, не сговариваясь, подняли головы и тоже залюбовались разноцветной красавицей, украсившей небосвод. Третий глубоко вдохнул влажный воздух, полный запахами недавнего дождя, мокрой земли и травы, и впервые за все время Ким не ощутил в его эмоциях ни капли боли. Только спокойствие, такое же безграничное, как

Вселенная.

Лешка прав. Дождь закончился.

Теперь все будет хорошо.

Эпилог

На капитанском мостике было тихо. Тишину нарушало лишь мерное гудение двигателей "Синей чайки" и еле слышные шорохи и щелчки систем жизнеобеспечения. Изредка вклинивалось шуршание страниц бортового журнала, в котором Первый, с присущей ему педантичностью, делал записи о прошедшем дне. Столько лет прошло, а он так и не избавился от привычки каждый день вести учетные записи. Хотя их давно никто не требовал, и "Чайка" уже годы и годы не состояла на службе у Космофлота. Боевая подруга, которой некогда как огня боялись пиратские корабли, давно растеряла свою воинственность, превратившись просто в уютный дом для троих звездных скитальцев.

Всеволод закончил делать записи и с удовольствием потянулся, разминая затекшую спину. Затем бросил взгляд влево и улыбнулся. Второй и Третий безмятежно спали каждый в своем кресле. Сквозь затемненное обзорное стекло молодая звезда, мимо которой дрейфовала "Чайка", щедро рассыпала блики, которые танцевали на приборной панели, на лицах друзей, на пепельных волосах Норна и черных — Кима, добавляя им серебра. В последние годы друзья часто бывали на Фиксе, и невольно начали больше общаться не на привычном общегалактическом, а на фиксианском. И Всеволод все чаще ловил себя на мысли, что ему становится тяжело называть друга "Третий", что теперь хочется обращаться к нему только по имени. А иногда вообще казалось, что еще чуть-чуть, и он позовет кого-то из друзей мысленно. И они услышат. Всеволод внутренне смеялся над этими своими порывами, понимая, что это просто из-за той связи, что с каждым годом все крепла вокруг Кима и Норна. Невозможно было наблюдать каждый день это абсолютное взаимопонимание и молчаливый обмен эмоциями и не проникнуться ими насквозь.

Первый встал с кресла и, прихватив по дороге чашку с недопитым кофе, которая стояла на панели перед Кимом, вышел в коридор. Через десять минут должна была позвонить его младшая дочь, которая сегодня как раз возвращалась из своей первой экспедиции, в которую ее взяла Элла. Всеволод уже предвкушал, сколько впечатлений на него вывалит пятнадцатилетняя Алиса, когда "Чайка" войдет в зону досягаемости сигнала.

Капитан зашел в кают-компанию, которую дотошный Ким оборудовал последними достижениями техники, позволяющими не просто видеть собеседника на экране, но и создавать его полный трехмерный голографический образ, и открыл каналы связи. Поставил кимову чашку на столик и с грустной улыбкой коснулся пальцами старого снимка в сапфировой рамке. Они втроем, ушастые смотрительницы, и Трэя на фоне корабля. Как давно это было? Двадцать лет прошло, а кажется, что только вчера они прощались с ними и с тоской смотрели на остающуюся позади изумрудную планету. Капитаны не забыли ни единого дня, что провели среди заповедных лесов, и если и было в их жизни что-то, о чем они сожалели — так это невозможность еще хоть раз увидеться с оставшимися на другом конце вселенной друзьями.

Рядом со снимком лежал букет странных багряных цветов с острыми узкими лепестками — частичка опустевшей планеты Кроккрыс, с которой они сейчас и возвращались. Норн почему-то настоял на том, чтобы именно там собрать букет, который он хотел положить на могилу. Крыс умер месяц назад, так и не оправившись от помешательства и даже не вспомнив своего имени. Фиксианец, когда бывал на планете, всегда проводывал бывшего пирата, подолгу просиживая в его палате. Ким утверждал, что Норн давно простил своего мучителя и искренне сожалел, что стал причиной чьей-то разрушенной жизни. Похоже, Крыс и вправду оказался последним пиратом — после

возвращения из другой галактики, капитаны больше никогда не сталкивались с организованными шайками. Были отдельные экземпляры, но их быстро приводили в чувство обычные патрулирующие. Заканчивалась эпоха знаменитых капитанов и полного опасностей космоса, и наступало новое время — молодых ученых, которым под силу были загадки древних цивилизаций и ушедших в небытие миров. Ярким бриллиантом сияла на их фоне Алиса Селезнева, которая давно стала близким другом знаменитой троицы и заслуженно пользовалась в галактике едва ли меньшей популярностью. Она часто напоминала Всеволоду связующее звено этих двух эпох — последнего человека уходящей, которая требовала молниеносных реакций, смелости и героических подвигов, и первого человека грядущей — времени ученых с принципиально новым типом мышления, исследователей и гуманистов.

— Папа! — звонкий голос дочери вырвал Всеволода из размышлений.

На специальной платформе стояла мерцающая голограмма его Алисы. Когда он назвал дочь в честь Селезневой, которой был безмерно благодарен за помощь в спасении Третьего, то даже не подозревал, что имя наложит такой сильный отпечаток на его ребенка. Но факт был на лицо — дочка не только оказалась похожа на знаменитую Алису внешне — сказала голубоглазая и светловолосая природа обоих родителей, но и характером ушла туда же — хлебом не корми, дай только влипнуть в историю.

— Привет, дорогая, — Первый тепло улыбнулся. — Ну как прошла экспедиция? Набралась впечатлений?

— Потом, папа! — дочь нетерпеливо взмахнула рукой. — Ты что, не слышал новости?!

— Нет, — слегка растерялся Всеволод. — А что такое?

— У нас гости! — Алиса едва не подпрыгивала от возбуждения. — Вы были вне зоны доступа и все пропустили! Они здесь уже три дня!

— Какие гости? — все еще непонимающе спросил Первый. — Откуда?

— Из другой галактики, конечно же! — Девочка просто пританцовывала от переизбытка эмоций. — Включите новости — там только о них и говорят. А сейчас извини, но я должна бежать. Мы с друзьями едем на космодром — хотим взглянуть на них поближе. До встречи, пап!

Голограмма с легким хлопком погасла, и Всеволод некоторое время сидел, глядя в одну точку и пытаясь переварить услышанное. Из другой галактики? Серьезно?!

— Подъем! — Первый тормозил друзей, попутно включая инфоры. — Просыпайтесь, кому говорю! Мы с вами как обычно все пропустили.

— Что случилось? — Ким сонно моргал, глядя на неприлично счастливого друга. — В галактике снова объявились пираты?

— Да тьфу на тебя с такими предположениями! — Всеволод настроил, наконец, основной информационный канал. — Все гораздо лучше. У нас гости!

Ким и Норн уставились сначала недоумевающе на Первого, а потом синхронно перевели взгляды на инфор, экран которого заполнила панорамная съемка фиксианского орбитального космопорта. Вот камера приблизилась, и друзья увидели три огромных корабля, один из которых показался Киму странно знакомым.

— Не может быть! — ахнул Второй, когда вспомнил, где уже видел эту спиралевидную форму.

Всеволод и Норн взволнованно переглянулись. Неужели?..

А через полминуты интервью с гостями из другой галактики развеяло все сомнения. Не узнать эти вечно шевелящиеся уши было невозможно. И хотя разумных, прибывших на трех кораблях, было как минимум пять-шесть видов, Ким почти сразу нашел взглядом

высокую, с него ростом, женскую фигуру в темном комбинезоне. Она стояла в окружении любопытных фиксианцев и находилась, судя по всему, на грани обморока от счастья.

Второй почувствовал, как из глубины души поднимается чистая, незамутненная радость, и Третий полностью отзеркалил его эмоции.

— Поспешим, — Первый опустился в кресло и отдал компьютеру приказ о переводе корабля в режим прыжка. — Нам еще нужно придумать, как украсть девочек из толпы любопытных, и куда потом отправиться, чтоб никто не мешал общаться. Все-таки за двадцать лет наговориться нужно будет.

Ким невольно хмыкнул от того, как прозвучало это "украсть девочек", но промолчал.

И "Синяя Чайка", взяв курс на Фикс, затерялась среди звезд...